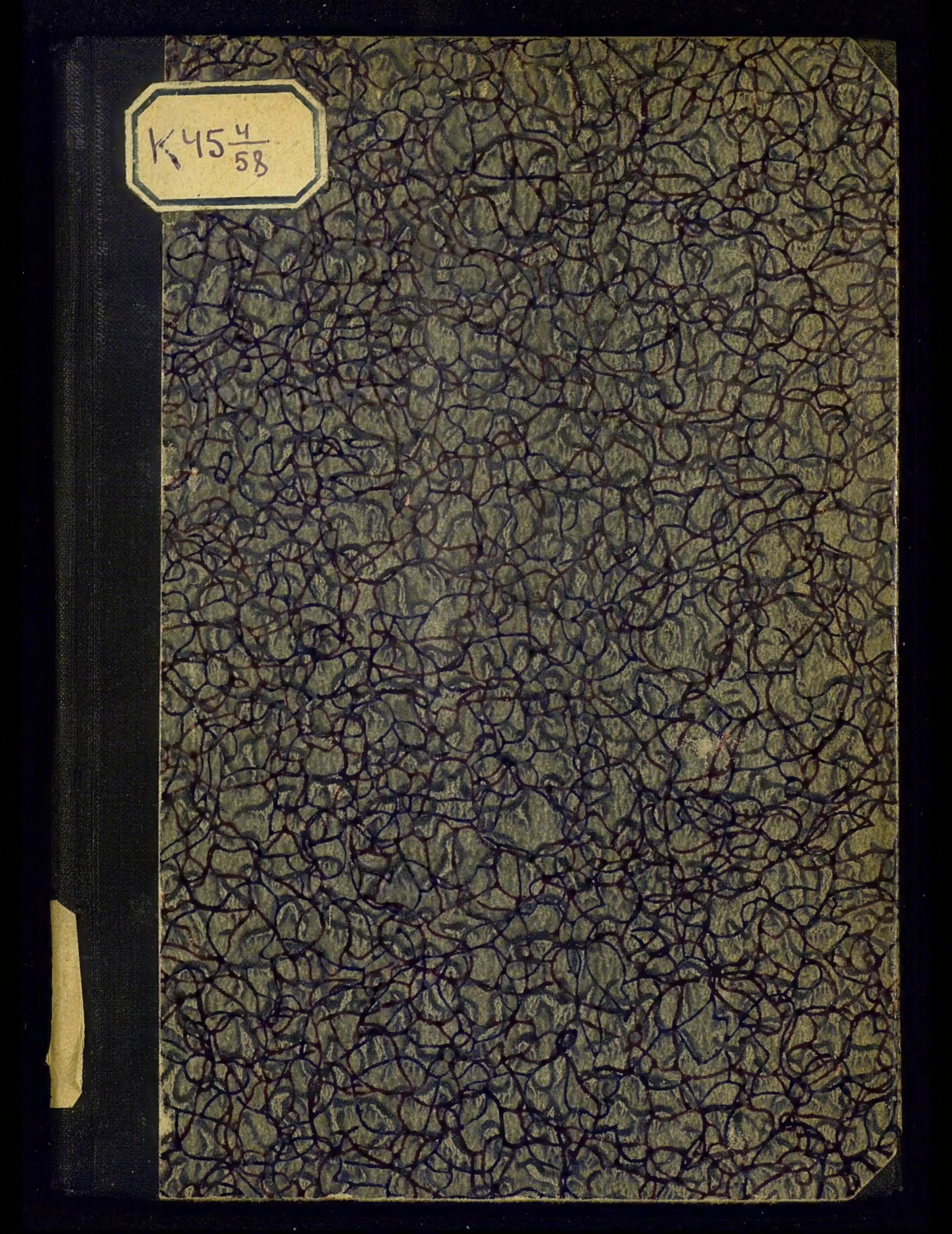

K 45 4/58

К 95 1/58

49650

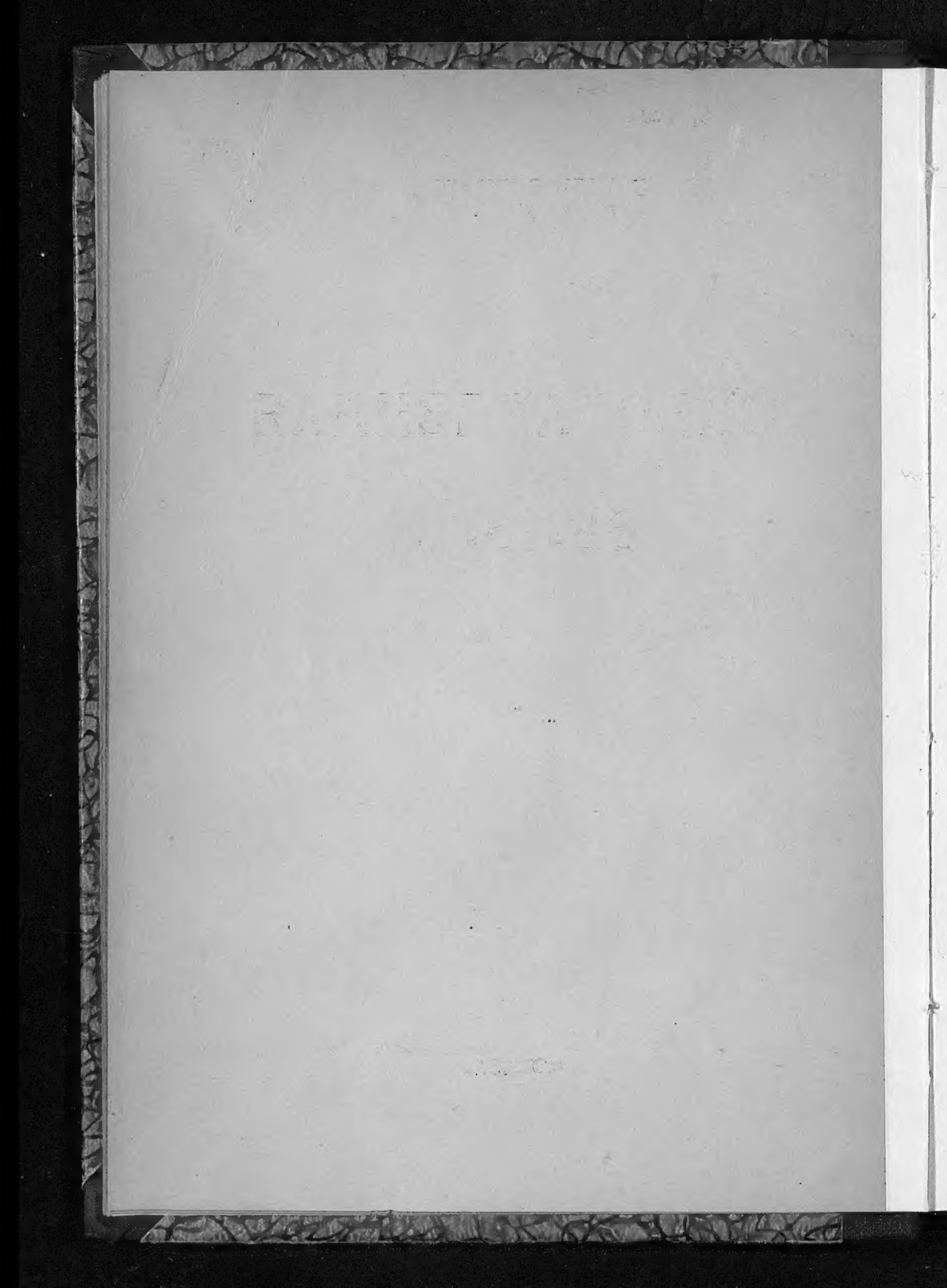
I 4/25

ЭМИЛЬ ВЕРХАРНЪ

ОКРОВАВЛЕННАЯ БЕЛЬГІЯ

Авториз. перев. съ франц. съ предисловіемъ автора къ русск. изданію.

МОСКВА.



К 45 9/58

ЭМИЛЬ ВЕРХАРНЪ

ОКРОВАВЛЕННАЯ БЕЛЬГІЯ

АВТОРИЗ. ПЕРЕВ. СЪ ФРАНЦ.

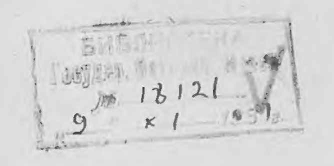
Н. КОНЧЕВСКОЙ

СТИХИ ПЕРЕВЕДЕНЫ

Макс. ВОЛОШИНЫМЪ.

483/3

МОСКВА.


№ 18121
9 x 1

Поставщикъ Двора Его Величества.
Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ Москва

1916

Весь чистый доходъ съ изданія поступитъ Эмилю Верхарну для оказанія помощи пострадавшимъ отъ войны бельгійцамъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ

Я счастливъ, что моя маленькая книжка *Окровавленная Бельгія* получитъ распространеніе въ Россіи. Она уже извѣстна нѣкоторымъ на французскомъ языкѣ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы и болѣе широкіе круги русской читающей публики, въ свою очередь, заинтересовались ея русскимъ переводомъ. Это познакомитъ русское общество съ тѣми страданіями, которыя бельгійцы терпятъ вотъ уже больше года; русскіе сравнятъ ихъ съ собственными испытаніями, и эта трагическая параллель лишній разъ наведетъ на мысль о жестокости врага, которая повсюду одинакова.

Война особенно ясно показала, что тѣ, которые хотятъ держать Европу подъ своей властью, стоятъ на болѣе низкой ступени цивилизаціи, чѣмъ угнетаемыя ими расы; а также, что имъ недостаетъ чуткости и тонкости, чтобы понять всю степень своего варварства и косности. Величайшій изъянъ нѣмецкой души заключается въ томъ, что она лишена братской силы. Она потеряла способность къ тѣмъ великимъ порывамъ и чувствамъ, которые пытались распространять Шиллеры и Бетховены. Она стала тупой, грубой и жестокой; духъ торгашества и солдатчины, неуживчивость и педагогичность взяли верхъ. Она—слѣпой врагъ современнаго міра.

Въ противоположность ей, русская душа стремится къ самому широкому духовному совершенству. Я убѣдился въ этомъ, когда, въ 1913 году, былъ въ Петроградѣ и Москвѣ и имѣлъ счастье бесѣдовать съ русскими учеными, писателями, поэтами и молодежью. Что за прекрасная среда! Въ ней человѣкъ подходитъ къ человѣку искренно, трепетно, съ довѣріемъ и вѣрой. Духъ самопожертвованія царитъ тамъ прямо съ волнующей интенсивностью. Нигдѣ въ мірѣ людскія сердечность и страстная горячность не проявляются съ такой силой. Въ Россіи отношенія между людьми лишены всякой тяжеловѣсности. Слова гибки и правдивы, чувства утонченны и сложны. Учтивость естественна и обаятельна. Мысли и надежды смѣлы. Идеалы свободы и красоты возвышенны. Никогда и нигдѣ я не ощущалъ такого могучаго біенія, такого лихорадочнаго стремленія къ совершенствованію. Народъ, горящій такимъ жаромъ, таитъ въ себѣ почти безпредѣльныя возможности развитія и мощи. И, поистинѣ, Германія, со всей ея окаменѣлой организаціей и съ ея исключительно матеріальными заботами, кажется такой жалкой и убогой, когда взглянешь на нее при великолѣпномъ и ослѣпительномъ свѣтѣ Россіи.

Вотъ то, что мнѣ хотѣлось сказать тѣмъ друзьямъ, которыхъ я счастливъ имѣть въ Россіи.

Сенъ-Клу.
Сентябрь, 1915 г.

Emile Verhaeren

ПОСВЯЩЕНІЕ

Тотъ, кто написалъ эту книгу, полную незатаенной ненависти, былъ когда-то живымъ воплощеніемъ миролюбія. Многими народами онъ восхищался; нѣкоторые изъ нихъ онъ любилъ. Въ числѣ первыхъ была Германія.

Она ли не была плодовита, предпріимчива, трудолюбива, смѣла и лучше организована, чѣмъ другія націи? Она ли не производила на тѣхъ, кто ее посѣщалъ, впечатлѣніе спокойной увѣренности въ силѣ? Она ли не смотрѣла въ будущее самымъ острымъ и страстнымъ взоромъ?

Разразилась война.

И Германія сразу же показала себя иной. Ея сила оказалась несправедливой, вѣроломной, жестокой. Единственно, чѣмъ ей осталось гордиться, это своей организованной и введенной въ систему тираніей. Она превратилась въ тотъ бичъ, отъ котораго необходимо защищаться, для того чтобы не погибли на землѣ высшія формы жизни.

Никогда автору этой книги не приходилось переживать ни болѣе тяжелаго, ни болѣе внезапнаго разочарованія. Это было для него настоящимъ ударомъ, кото-

рый подѣйствовалъ на него такъ сильно, что онъ сталъ себѣ самому казаться другимъ человѣкомъ.

Тѣмъ не менѣе, въ томъ настроеніи ненависти, которое онъ теперь переживаетъ, его совѣсть кажется ему умаленной, и потому онъ съ волненіемъ посвящаетъ эти страницы тому, кѣмъ онъ былъ когда-то.

Сенъ-Клу.
19/IV, 1915.

Эмиль Верхарнъ,

ОКРОВАВЛЕННАЯ БЕЛЬГІЯ.

Стихотвореніе

Переводъ *Максимиліана Волошина.*

Ужъ скоро тридцать лѣтъ,
Какъ въ радостномъ и дружномъ напряженьи
Росло свободное движенье
Всечеловѣческихъ побѣдъ.
А войны
Казались людямъ тѣхъ годовъ
Проклятымъ мѣстомъ старой бойни,
Сокрытымъ чащею разросшихся цвѣтовъ.

Былъ Западъ гордъ подъ небомъ безпечальнымъ
И мыслить и творить въ согласьи музыкальномъ,
Подобномъ плавному круженію свѣтилъ.
И каждый день прекраснѣйшія дали
Раздвигали
Прозрѣнья тѣхъ, кто мыслилъ и училъ.

Они повѣдали всеміpно,
Что съ человѣкомъ человѣкъ
Согласовать свободный бѣгъ
Отнынѣ будетъ только мирно;
Что право лѣпитъ силу такъ,
Какъ сокъ весною стволъ вздуваетъ;
Что справедливость—побѣждаетъ,

Что мысль надежнѣй чѣмъ кулакъ;
Что правду высшаго свершенья
Откроетъ скоро человѣкъ;
Что ужъ назрѣлъ прекрасный вѣкъ,
Когда враждебныя теченья
Должны свой бѣгъ соединить:
Такъ электрическая нить
Съ другою въ соприкосновеньи
Рождаетъ искру: да и нѣтъ
Вдвоемъ дадутъ единый свѣтъ.

Такъ въ лѣтнихъ сумеркахъ возвышенно мечтая
И тонъ апостольскій дѣлами подтверждая,
Они, гордясь собой и будущимъ людей,
Дивились сами смѣлости своей.
А чрезъ поля, холмы, лѣса и воды
Европа кликами несла имъ свой привѣтъ;
Но эти возгласы, звучавшіе въ отвѣтъ,
Тревожили германскіе народы
Вдоль Рейна грознаго...
Для нихъ союзъ людей
Былъ праздной выдумкой, а ихъ мечты достойны
Лишь свистъ бичей, сверканія мечей
И землю гуломъ полнящія войны.

Размѣренная ненависть жила
У нихъ въ душѣ. Трудились мастерскія
Всегда надъ новымъ примѣненьемъ зла.
Упорные, проворные, сухіе
Они умѣли скрыть смертельныхъ знаній плодъ.
Въ дни мира человѣкъ къ другимъ идетъ
Довѣрчивѣй,—они жъ вездѣ слѣдили,

Шпіонили и молча стерегли.
А ихъ мыслители догматику несли
На оправданіе насилію и силѣ.
Слова свирѣпыя и мрачныя порой
Вѣщались съ высоты и правдой становились:
Они заранѣе жестокости учились
Во имя мудрости—грядущей, грозной, злой.
Боренье воль, свободное кипѣнье
Страстей и думъ, и дѣлъ—широкой жизни пиръ—
Они отвергнули. Машинное ихъ рвенье
Казалось погасить хотѣло прочій міръ.

И наконецъ они дождались: въ изступленьи
Холодной ярости, имъ замѣнившей честь—
И жгли, и грабили, пролили огнь и месть
На страны, города, соборы и строенья—
Святилища наукъ, сокровища временъ...
Ты—Франція! Ты—Бельгія! Врагами
Окровавленныя, принявшія ударъ,
Повѣдайте, какъ въ эти дни пожаръ
Метался въ городахъ, клубился надъ лугами.
Вы бились доблестно за жизнь своихъ дѣтей,
За честь могилъ, за миръ родимыхъ сѣней—
Они жъ искали жертвъ для новыхъ всесожженій
Жестокости своей.

Въ забытыхъ хижинахъ вдали военныхъ становъ,
Гдѣ тяжкимъ топотомъ прошелъ потокъ улановъ,
Мы видѣли ножи въ груди у матерей
Съ червлеными въ крови и въ молокѣ клинками;
И дряхлыхъ стариковъ стоящихъ вдоль путей
Колѣно-преклоненными рядами

Надъ ими же раскопанными рвами
И казни ожидающихъ своей.
Подростковъ дѣвочекъ—въ рукахъ ватаги пьяной...
Солдаты тѣшились кровавымъ кутежомъ;
Когда же плоть дѣтей была сплошною раной,
Имъ вырѣзали грудь ножомъ.

Повсюду къ городамъ изъ брошенныхъ селеній
Спѣшили бѣженцы съ безуміемъ въ очахъ;
За ними шелъ потокъ огня и разрушеній,
Гудѣлъ набатъ въ смятенныхъ городахъ...
Страна была, какъ разоренный улей...
А если имъ, подбитый мѣткой пулей,
Нѣмецкій трупъ встрѣчался на пути—
Въ карманахъ брюкъ—серебряныя ложки,
Браслетъ украденный—случалось имъ найти
И дѣтскія отрѣзанныя ножки.
О, Фландрія, какихъ невыразимыхъ дѣлъ,
Какого ужаса, безумія, трагизма
Ты стала зрѣлищемъ! Какъ страшенъ твой удѣлъ
Быть жертвой голода германскаго садизма!

ПРАВА НА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Вильгельмъ II давалъ много клятвъ. Онъ клялся войти побѣдителемъ то въ Парижъ, то въ Нанси, то въ Калэ... Эти клятвы говорили о славѣ,—онъ ихъ не сдержалъ.

Онъ поклялся, въ письмѣ къ Альберту I, королю бельгійцевъ, опустошить Бельгію. Эта клятва была преступна,—ее одну онъ сумѣлъ выполнить.

До войны Бельгія была миролюбивой, трудящейся и богатой страной. Вѣка созидали ее съ любовью. Дважды въ теченіе вѣковъ ея искусство властвовало надъ Европой. Первый разъ это было въ XV столѣтіи, когда имена Гюберта и Жана ванъ-Эйкъ, Мемлинга, Рожера де-ла-Пастюра блистали всемірной славой. Ихъ окружали Жераръ Давидъ, Патениръ, Анри Блэ, Кантэнъ Метзисъ, иначе говоря, вся великая готическая школа Сѣвера.

По берегамъ Рейна эти мастера создаютъ учениковъ. Въ Кельнѣ, гдѣ старые живописцы Вильгельмъ и Стефанъ Лохнеръ сумѣли дать лишь робкіе и наивные намеки, фламандцы учатъ твердости рисунка, мощи красокъ и, особенно, жизненности. Ихъ вліяніе доходитъ до Франціи. Школы Авиньона и Мулэна обязаны имъ своей славой.

Италія шлетъ къ нимъ своихъ художниковъ. Самый извѣстный изъ нихъ, Антонелло изъ Мессины, идетъ по ихъ слѣдамъ, забывая традиціи своей родины. Испанія превращается въ область фламандскаго искусства. Взоры всего Запада устремлены на Фландрію. Въ XVII вѣкѣ Рубенсъ, ванъ-Дейкъ, Брувэръ, Тенирсъ, Жордансъ, Корнейль де-Фосъ снова отвоевываютъ Антверпену всемірное господство, утерянное было живописцами Брюгге. Имъ обязана Франція за Ларгильера, Себастіана Бурдона, Ватто, Патера, Ланкрэ, Фрагонора; а Англія—за Добсона, Лэли и отчасти за Констабля. Кромѣ того, уже съ XV вѣка мастера haute-lisse распространяютъ по всему континенту этотъ новый видъ искусства. Гобелены обязаны всецѣло имъ своей первоначальной славой.

Одновременно съ художниками, составляющими ея гордость, Бельгія даетъ замѣчательныхъ архитекторовъ. Имена ихъ еще мало извѣстны. То были: Апельмансъ, ванъ-Тиненъ, дю-Гамель, ванъ-Бодегемъ, Блондель, де-Вриндтъ, Ломбаръ, Франкаръ и Фадэрбъ. Камни соборовъ Турнэ, Брюсселя, Малина, Антверпена, Гента, Брюгге, Монса, Льежа громоздились одинъ на другой до вершины самыхъ высокихъ башенъ для того, чтобы память объ этихъ валлонскихъ и фламандскихъ строителяхъ пережила вѣка и была вознесена до небесъ. Прекрасныя ратуши высились бокъ-о-бокъ съ храмами; крытые мясные и суконные рынки глядѣли своими фасадами на богатые дворцы бургомистровъ и эшевеновъ. Величественные города вызывали изумленіе путешественниковъ.

Рѣка Шельда течетъ, прорѣзая своими излучинами нѣсколько провинцій, и по ея берегамъ, въ рядѣ

городовъ, возникаетъ торговля и богатство; и самый, вѣроятно, значительный какъ въ XVI, такъ и въ XIX вѣкѣ портъ во всей Европѣ выростаетъ у насъ, на порогѣ Германіи и Голландіи. Съ другой стороны, Маасъ протекаетъ по прелестнымъ и живописнымъ долинамъ, гдѣ глубокія расщелины обнаружили уголь и металлы. Съ береговъ Мааса извлечены были камни, которые заканчиваютъ устремленныя ввысь остроконечныя стѣны домовъ эшевеновъ и боковыхъ придѣловъ соборовъ; Маасъ представляетъ собою рѣку валлонской промышленности, а Шельда—рѣку фламандской торговли. Обѣ расы—одна латинская, другая германская—которыя населяютъ Бельгію, такъ удачно обслуживаемую своими двумя рѣками, дѣятельны, упорны, скромны, а ко всему этому терпѣливы. Фламандцы—угрюмо молчаливы, а валлонцы—веселы и благодушны. Обѣ онѣ создали въ странѣ не только благосостояніе, но и богатство. Послѣ Англіи, Германіи и Франціи, впереди Италіи, Австріи и Россіи—Бельгія стоитъ четвертой въ ряду торговыхъ націй Европы. Расцвѣтъ ея богатства, единственный въ лѣтописяхъ маленькихъ народовъ новѣйшаго времени, служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ даровитости населенія.

Это подтверждается также и тѣмъ, что за послѣднія тридцать лѣтъ страна, которая отличалась приблизительно до 1880 года лишь своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, даетъ блестящую школу даровитыхъ писателей, которая быстро занимаетъ самое почетное мѣсто въ ряду руководящихъ умственныхъ центровъ Европы. Внутреннее самопознаніе человѣчества, въ соприкосновеніи съ душой такого писателя,

какъ Метерлинкъ, становится болѣе яркимъ. На ряду съ Карлейлемъ и Эмерсономъ, онъ наложилъ печать своей личности на современную мысль и окрасилъ ее сообразно своему пониманію и чувству. Затѣмъ появляются тонкіе и цѣломудренные поэты, какъ Шарль ванъ-Лебергъ, блестящіе и проницательные, какъ Альберъ Жиро.

Лемонье, Эку, Крайнсъ, Глезенеръ, Делатръ даютъ произведенія сильныя и художественныя. Спаакъ, Кроммелинкъ, Делтернъ, Ванхофель—дѣлаютъ попытку создать новую національную драматическую литературу. Искусство расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ не только благодаря кисти художниковъ, но также благодаря слову писателей. Отецъ современной бельгійской литературы, великій Шарль де Костеръ, пишетъ первый шедёвръ: «Тиль Эленшпигель»; за нимъ слѣдуетъ младшее поколѣніе писателей. Они, какъ и онъ, создаютъ истинно-художественныя произведенія; они, какъ и онъ,—творятъ красоту изъ нравовъ и героизма предковъ; но имъ, появившимся послѣ него, удается лучше изучить современный міръ и человѣческую душу и ввести въ свои писанія, если не больше душевнаго трепета, то больше осязаемой и ощущаемой реальности.

Итакъ, если когда-либо маленькая нація показала себя достойной, благодаря своей высокой и самобытной жизни, участвовать въ общей работѣ прогресса и цивилизаціи, то это была нація бельгійская. Она обладала, если можно такъ выразиться, такимъ полнымъ арсеналомъ матеріальныхъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ силъ, какъ ни одна другая маленькая нація. А потому она могла разсчитывать на уваженіе

и восхищеніе не только нейтральныхъ и еще молодыхъ народовъ, но также и крупныхъ, господствующихъ націй, достигшихъ своего полнаго развитія. Къ тому же онѣ всѣ вмѣстѣ, поклялись оказывать ей свою защиту. И никогда эта защита не было такъ необходима, какъ въ тотъ день, когда одна изъ нихъ предательски схватила Бельгію за горло, съ намѣреніемъ задушить ее.

Ибо,—и въ этомъ высшій позоръ Германіи,—она избрала маленькій народъ, наиболѣе достойный жить и расти, чтобы доказать міру, какую цѣну имѣетъ въ ея глазахъ право на существованіе другихъ народовъ. Больше того: чувствуя себя неизмѣримо сильнѣйшей,—и на сколько милліоновъ людей!—она даже не рѣшилась напасть открыто. Она хитрила, она лгала, она льстила. За два часа до своего чудовищнаго ультиматума, она еще клялась въ чистотѣ своихъ намѣреній. Она могла предложить честный бой: ея хватило лишь на то, чтобы подготовить ловушку. Вотъ почему вызванная ею ненависть такъ сильна и такъ глубока, что она переживетъ ряды поколѣній. Поскольку что-нибудь на землѣ можетъ быть вѣчнымъ, эта ненависть будетъ вѣчной. Ей будутъ обучать въ нашихъ школахъ, она перейдетъ въ потомство. Она послужитъ намъ священнымъ источникомъ энергіи и вдохновеннаго гнѣва. Всѣ мы будемъ мыслить, какъ тотъ высокой души крестьянинъ, который въ прибрежной деревушкѣ между Коксидомъ и Дюнкеркомъ говорилъ мнѣ недавно: «я хочу, чтобы въ тотъ день, когда я буду умирать, послѣдняя капля моихъ силъ была пропитана злобой и проклятіемъ къ нѣмцу». И когда я замѣтилъ, что его чувство не христіанское, онъ мнѣ отвѣтилъ: «Тѣмъ хуже!»

ПРЕСТУПЛЕНІЯ

Такъ или иначе, но инстинктъ національнаго самосохраненія повелительно указываетъ намъ отнынѣ ненависть, какъ исполненіе долга. Народы творятъ великія дѣла лишь силой любви или силой ненависти. Наше освобожденіе есть великое дѣло. Нѣмцы не оставили намъ выбора между любовью и ненавистью.

Если когда-либо угнетатели злоупотребляли жестокостью, введенною въ систему, то—это больше всего можно сказать о нѣмцахъ. Они не повели съ нами честную, лойяльную войну: изнасилованія, воровство, грабежи, поджоги и убійства—вотъ ихъ дѣла. Смѣлые на поляхъ битвы, они показали себя низкими и безчеловѣчными—послѣ битвы. Больше того: нѣкоторые изъ нихъ проявили настоящій садизмъ. Многочисленные процессы доказали, что въ нѣмецкихъ казармахъ и офицерскихъ клубахъ процвѣтаютъ особаго рода спеціальные пороки. Наши жены, наши дочери, наши дѣти явились жертвами этого специфическаго разврата. Нѣкоторыя преступленія совершались съ такой утонченной жестокостью, что имъ не хотѣли вѣрить. Германскіе солдаты, такъ сказать, извлекали выгоду, именно, изъ самой невѣроятности того ужаса,

до котораго они дошли: первоначально прямо трудно было допустить такую степень гнусности и не хотѣлось вѣрить въ самую возможность такого страшнаго извращенія.

Но теперь, послѣ опубликованія подробныхъ и многочисленныхъ донесеній, встревоженное общественное мнѣніе Европы начинаетъ лучше разбираться въ фактахъ.

Когда шесть мѣсяцевъ тому назадъ я пріѣхалъ въ Англію, каждое слово о совершонной жестокости подвергалось сомнѣнію. Говорили: «Покажите намъ ребенка съ отрубленными руками и женщину съ окровавленной грудью». И такъ какъ это было невозможно, потому что ребенокъ съ отрѣзанными руками и женщина съ окровавленной грудью не могли не погибнуть отъ перенесенныхъ ими пытокъ, то изъ этого выводили заключеніе, что нѣмцы—солдаты, но не палачи. Хотѣли увидать собственными глазами!.. Увы, для этого пришлось бы разрывать могилы.

Къ счастью, молодому писателю Пьеру Нотомбу удалось въ своей книгѣ *Варвары въ Бельгіи* установить по офиціальнымъ даннымъ тотъ фактъ, что самыя жестокія преступленія, которыя ставились въ вину германскимъ солдатамъ, были, дѣйствительно, совершены. Въ началѣ войны въ провинціяхъ Льежа, Намюра, Люксембурга и Брабанта нѣмецкія шайки свирѣпствовали безъ удержа. Потомъ, неизвѣстно—по приказу, или изъ боязни—они стали сдерживать свои инстинкты. Ихъ неистовство длилось два или три мѣсяца; имъ была предоставлена полная свобода, быть можетъ, въ надеждѣ на уничтоженіе цѣлой расы.

26 августа 1914 года, генералъ Стенгеръ, коман-

дующій 26-й нѣмецкой бригадой, объявилъ по своимъ войскамъ: «Отнынѣ плѣнныхъ больше быть не должно. Всѣ будутъ уничтожаться; даже тѣ плѣнные, которые уже сгруппированы для отсылки, будутъ перебиты. Позади насъ не останется ни одного живого врага» (Бедье: *Нѣмецкія преступленія*). Фландрія отдѣлалась дешевле, чѣмъ Валлонія. Послѣдней вмѣнялся въ преступленіе самый фактъ ея существованія. За ней не признавалось права не принадлежать къ германской семьѣ. Можно было надѣяться, что нѣмецкое владычество во Фландріи съ годами укоренится. Въ Валлоніи же надо было ожидать въ этомъ отношеніи полной неудачи. Вотъ почему Германія, вслѣдъ за опустошеніемъ, обрекла южную часть нашей родины еще и голоду.

Прислушайтесь: уже раздаются вопли отчаянія тѣхъ, кто въ XX вѣкѣ можетъ умереть отъ голода. Со всѣхъ сторонъ шлютъ помощь. Щедрость Америки поистинѣ восхитительна. Но достаточна ли эта помощь, чтобы накормить цѣлыя провинціи!

Бѣшенство тевтонскихъ офицеровъ началось съ самаго дня объявленія войны: путь во Францію былъ имъ загражденъ нами. Они не допускали возможности этого акта героической честности. Они прибѣгли къ унизительному торгу. Они призвали наше правительство къ прилавку, съ задняго крыльца. Они произнесли лишь одно слово: «Сколько?» Они ждали, что имъ сразу же отвѣтятъ: «Тридцать сребренниковъ».

Сопротивленіе Льежа вывело ихъ изъ себя. Они потеряли тамъ много тысячъ людей и не могли пробить себѣ немедленный доступъ во Францію, ко-

торый былъ имъ такъ необходимъ. Франціи, за нашей защитой, удалось довести до конца свою мобилизацію. Англія и Россія выиграли драгоцѣнное время.

Отъ первоначальнаго плана нѣмцевъ не осталось и камня на камнѣ. Казалось, что участь всей кампаніи рѣшалась не въ пользу Германіи. Первый ударъ, нанесенный ей маленькимъ гордымъ народомъ, былъ для нея уже роковымъ ударомъ.

Затѣмъ начались предложенія мира. Они возобновлялись трижды. Первая попытка относится къ августу 1914 года. Министръ иностранныхъ дѣлъ Давиньонъ получилъ, черезъ посредство бельгійскаго посла въ Гаагѣ, длинную депешу. Въ ней были слѣдующія слова: «Германское правительство идетъ на любое соглашеніе съ Бельгіей, которое какимъ бы то ни было образомъ можетъ быть совмѣстимо съ ея конфликтомъ съ Франціей».

Вотъ что отвѣтила Бельгія:

«Вѣрная своимъ международнымъ обязательствамъ, Бельгія можетъ лишь снова повторить свой отвѣтъ, который она уже дала раньше на ультиматумъ 2-го августа, тѣмъ болѣе, что съ тѣхъ поръ ея нейтралитетъ былъ нарушенъ, война со всѣми ея ужасами была занесена на ея территорію, и державы, которыя гарантировали ея нейтралитетъ, лойяльно и безъ промедленія отозвались на ея призывъ».

Второй посредникъ, которымъ воспользовалась Германія,—это было опубликовано во всѣхъ газетахъ— былъ извѣстный бельгійскій государственный дѣятель Шарль Востъ, тотъ самый министръ Шарль Востъ, который былъ, быть можетъ, самымъ усерднымъ противникомъ воинской повинности въ Бельгіи.

Онъ гордился тѣмъ, что былъ всегда и прежде всего человѣкомъ своей партіи. Его вліяніе было въ нашей исторіи всегда только пагубнымъ. Попытка его—какъ и слѣдовало ожидать—окончилась полной неудачей*).

Третье предложеніе мира было сдѣлано черезъ члена люксембургскаго правительства Эйшена. Эйшенъ объѣхалъ нѣкоторыя нейтральныя государства и старался склонить ихъ къ общему рѣшенію въ пользу мира. Такое предложеніе не могло увѣнчаться успѣхомъ. Бельгія первая объявила непріемлемость этого предложенія. По поводу этой третьей попытки одна газета поспѣшно сдѣлала слѣдующее заключеніе: «Если бы бельгійское правительство этого пожелало, мы, черезъ его посредство, вошли бы въ переговоры съ Германіей; но бельгійское правительство этого не захотѣло, и оно такъ же отнесется вообще ко всѣмъ посламъ того императора, который, послѣ захвата и опустошенія окровавленной Бельгіи, послѣ гнусной компаніи издѣвательства купленной прессы,—осмѣлился трижды предложить своей жертвѣ безчестный миръ».

---

*) Востъ отрицаетъ эту попытку. По этому поводу онъ написалъ въ «Revue des deux Mondes» письмо. Редакція журнала сопровождаетъ это письмо такимъ замѣчаніемъ: «Факты, которые были нами разсказаны и оцѣнены по достоинству, были опубликованы во всѣхъ газетахъ въ сентябрѣ прошлаго года, и у насъ не было никакихъ основаній въ нихъ сомнѣваться. Г-нъ Востъ ихъ отрицаетъ,—это его право. Исторія, къ которой онъ взываетъ, произнесетъ впослѣдствіи свое окончательное сужденіе. Пока же мы принимаемъ къ свѣдѣнію поправку г-на Воста». Послѣдуемъ и мы примѣру «Revue des deux Mondes» и будемъ ждать.

Итакъ, какъ только Германія нарушила нашъ нейтралитетъ, она сейчасъ же начала искать оправданія. Она, могучая нація, первая шла навстрѣчу ограбленной и жестоко оскорбленной націи. Какъ велика должна была быть ея ошибка въ оцѣнкѣ нашей силы сопротивленія, чтобы такъ быстро рѣшиться дѣйствовать безъ всякой гордости. Она сдѣлала это, впрочемъ, съ такою гибкостью и съ такимъ тактомъ, что, говорятъ, даже самъ г-нъ Востъ потерялъ свои иллюзіи. Ни на одну секунду въ ней не возникло сомнѣніе, что страна, безъ колебанія избравшая путь безконечныхъ страданій и испытаній, отвергнетъ, какъ оскорбленіе, всякій компромиссъ и всякое соглашеніе.

Нѣкоторые говорятъ, что надо было принять предложенія мира уже хотя бы потому, что они являлись какъ бы доказательствомъ того, что нѣмцы, провинившись, потомъ сами раскаялись. Они раскаялись въ нашествіи на Бельгію!? Не знаю, какой шутникъ могъ такъ разсуждать, но, ясно,—этотъ легкомысленный человѣкъ не понялъ, что странѣ, отягченной столькими преступленіями, какъ Германія, не можетъ быть предоставлено право на раскаяніе раньше, чѣмъ она понесетъ заслуженную кару.

Германія свирѣпствовала не только противъ людей, но и противъ неодушевленныхъ предметовъ. Дерево, камень, солома, все, что можетъ укрыть или пріютить—подвергалось ея ярости. Ея солдаты были обучены не только стрѣльбѣ, но и поджогамъ. Вся страна превратилась въ огромное пожарище. Въ одной Люксембургской провинціи насчитываютъ:

«Въ Нефшато сожжено 20 слишкомъ домовъ; въ Эталь—30; въ Гудемонѣ—64; въ Рюлѣ—половина домовъ уничтожена огнемъ; деревня Ансаръ—сожжена вся; въ Тентиньи—осталось только 8 домовъ; въ Жамуанѣ—уничтожена половина деревни; въ Ле-Бюль—разрушено полъ-деревни; въ Муайенѣ—уничтожено 42 дома; деревня Росиньоль—разрушена вся; въ Мюси-ла-Виль—уничтожено 20 домовъ; въ Бертриксѣ—15 домовъ; въ Блэдѣ уничтожена большая часть домовъ; въ Синье—большая часть деревни сожжена; въ Этъ—уцѣлѣла лишь шестая часть деревни; въ Бельфонтэнѣ—уничтожено 6 домовъ; въ Мюссенѣ—половина деревни; въ Даранзи—осталось четыре дома; въ Сенъ-Лэжэ—сожжено 6 домовъ; въ Сэмэль—всѣ дома сожжены; въ Мэсенѣ—изъ 100 домовъ сожжено 64; въ Виллансѣ—сожжено 9 домовъ; въ Анлуа—26 домовъ». Таково донесеніе.

И это минимальныя цифры. На основаніи этой, поневолѣ не полной статистики, число сожженныхъ домовъ превышаетъ три тысячи. Надо замѣтить, что дома, о разрушеніи которыхъ упоминалось въ донесеніи, были сожжены не во время военныхъ дѣйствій, а послѣ, преднамѣренно, слѣдуя извѣстной системѣ. Во Фландріи и Брабантѣ, отъ Термонда, Малина, Алоста, Эршота, Диксмюда, Ньюпора, Ипра и Лувэна—остались однѣ развалины. Ихъ бомбардировали многократно. Какъ только бельгійская армія наносила ударъ нѣмецкимъ войскамъ, немедленно же послѣднія забрасывали своими снарядами либо Термондъ, либо Малинъ, либо Алостъ. Это напоминало наказаніе, которое накладываетъ грозный школьный учитель. Производилось это ме-

тодично, потому что въ Германіи все носитъ педагогическій характеръ, даже само безуміе. Къ тому же эти безчисленные пожары служили грандіозными факелами для освѣщенія и другихъ преступленій. Я имѣю въ виду массовыя казни. Въ Динанѣ умерщвлено 700 гражданъ. Въ Анденѣ убиты всѣ представители власти и почти всѣ почетные граждане. Вся Валлонская Бельгія истекаетъ кровью каждой своей деревней, каждымъ своимъ городкомъ. Въ одной Люксембургской провинціи, гдѣ столько уничтоженныхъ домовъ, число разстрѣлянныхъ жителей слѣдующее: «въ Нёфшато—18; Вансъ—1; Эталь—30; Гудемонъ—11; Тентиньи—157; Бэртриксъ—2; Этъ—около 300 человѣкъ разстрѣляно и 530 безъ вѣсти пропавшихъ; въ Латурѣ осталось въ живыхъ—17 человѣкъ; въ Сенъ-Лэрэ разстрѣляно 11 человѣкъ; въ Мэсенъ—разстрѣляно 10 мужчинъ, одна женщина и одна дѣвушка, а 2-е мужчинъ и 2 дѣвушки ранены; въ Виллансѣ—двое мужчинъ разстрѣляны, 1 дѣвушка ранена; въ Анлуа разстрѣляно 52 мужчинъ и женщинъ; въ Клэрёзъ—двое разстрѣляно и двое повѣшено».

Послѣ массовыхъ казней начались массовыя ссылки. Нѣмцы забирали всѣхъ пожилыхъ, но еще трудоспособныхъ людей—садовниковъ, дровосѣковъ, шахтеровъ, крестьянъ—и посылали ихъ на работу въ Германію. Такимъ путемъ они воскресили древнее рабство, и одному Богу извѣстно, какому ужасному обращенію они подвергли этихъ несчастныхъ. Вѣдь наказаніе палкой—ихъ національное учрежденіе. Ихъ орелъ могъ бы держать ее въ своихъ когтяхъ—какъ орелъ Америки держитъ молніи.

Цѣлыя горы накраденнаго добра были переправлены за Рейнъ: тутъ были картины, мебель, зеркала, фортепіано... Капитанъ де-Гэрлашъ,—тотъ, который стоялъ во главѣ бельгійской антарктической экспедиціи,—описываетъ въ христіанійской *Morgen Bladet*, что онъ видѣлъ своими собственными глазами; сдѣланные имъ фотографическіе снимки подтверждаютъ его слова. Въ Малинѣ,—пишетъ онъ,—700 фортепіано, забранныхъ въ разрушенныхъ домахъ, загромождаютъ желѣзнодорожную станцію. Одинъ изъ его друзей, занимающій высокую должность, вернувшись къ себѣ, нашелъ свой домъ разграбленнымъ. Тогда онъ обратился къ нѣмецкому коменданту, такъ какъ сосѣди утверждали, что въ его домъ явился цѣлый отрядъ германскихъ солдатъ и вынесъ всѣ вещи.

— Это сдѣлали крестьяне,—прерываетъ комендантъ.

— Это сдѣлали ваши офицеры,—отвѣчаетъ ограбленный.

Комендантъ соглашается отправиться на станцію. Украденная мебель тамъ: она сложена въ огромную кучу; мебель, вывезенная изъ сосѣднихъ домовъ, увеличиваетъ эту гору.

Этотъ случай—типиченъ; я могъ бы привести сотни подобныхъ.

Разрушенные дома, украденная мебель, люди, уведенные въ ссылку—все это составляетъ задній планъ декораціи, который еще больше выдѣляетъ весь ужасъ авансцены: она вся занята убійствомъ стариковъ, женщинъ и дѣтей. Германія, обычно столь тяжеловѣсная и неловкая, вдругъ проявляетъ утон-

ченную изобрѣтательность. Звѣрство ее вдохновляетъ. Ее охватываетъ какая-то чудовищная лирика. Она вся дрожитъ отъ наплыва жестокости.

Нѣмецкій военный обычай,—слово «обычай» употреблено вполнѣ обдуманно—требуетъ, чтобы, когда солдаты идутъ въ огонь, впереди нихъ шелъ старикъ взятый изъ мѣстныхъ жителей. Если же старикъ взятъ какъ заложникъ, то нѣмецкій военный обычай находитъ полезнымъ убить передъ его глазами его сыновей, а затѣмъ истязать его самого до полной потери силъ. Если же забрано въ плѣнъ большое число стариковъ,—то нѣмецкій военный обычай предписываетъ поставить ихъ въ одинъ рядъ, заставить вырыть длинную канаву и затѣмъ пристрѣлить ихъ всѣхъ такъ, чтобы они свалились туда всѣ сразу. Когда же взятый старикъ—священникъ или монахъ, тогда нѣмецкій военный обычай совѣтуетъ передъ повѣшеніемъ еще и оскопленіе.

Когда дѣло идетъ о женщинахъ, то нѣмецкій военный обычай требуетъ, прежде всего, изнасилованія. Какъ только перестрѣляны мужъ, братъ или сынъ, женщинамъ даютъ въ руки заступъ и приказываютъ рыть ямы, чтобы похоронить убитыхъ. Если женщина беременна—ея животъ является излюбленнымъ мѣстомъ для ударовъ штыками. Если дѣвушка помолвлена—ее связываютъ веревкой съ женихомъ; вокругъ связанной пары наваливаютъ нѣсколько охапокъ соломы; затѣмъ—слышенъ сухой трескъ спички, зажженной о подошву сапога, и пламя пожираетъ молодую пару. Съ непомолвленными дѣвушками нѣмецкіе солдаты поступаютъ иначе. Вотъ

сцена, провѣренная и внесенная въ одинъ изъ протоколовъ французскаго Министерства. Ее разсказываетъ Жанъ Бернаръ въ Indépendance (2-го января 1915 г.); она происходила въ окрестностяхъ Антверпена, въ загородномъ домѣ одного коммерсанта, который не захотѣлъ уѣхать и остался со своими двумя дочерьми у себя. Одной было семнадцать лѣтъ, другой—двадцать; обѣ были очень красивы той спокойной, жизнерадостной красотой фламандокъ, которая заставляетъ вспоминать Рубенсовскихъ женщинъ.

Послѣ взятія Антверпена, нѣмцы, разсыпались по окрестностямъ, и нѣсколько офицеровъ поселилось въ домѣ этого коммерсанта, который имѣлъ мужество и неосторожность остаться. Онъ былъ богатъ и принялъ ихъ прекрасно. Онъ уступаетъ имъ свои удобныя и роскошныя спальни и заказываетъ для нихъ къ тому же вечеру обильный обѣдъ. Пять офицеровъ садятся за столъ, уставленный винами. Но, раньше всего,—слѣдовательно тутъ нельзя ссылаться на опьянѣніе,—прежде чѣмъ начать обѣдъ, нѣмецкій капитанъ, который, какъ старшій, былъ начальникомъ этой банды, отдаетъ приказаніе схватить хозяина и запереть его въ его же погребѣ, у дверей котораго ставятся двое часовыхъ, съ заряженными ружьями, готовыхъ въ случаѣ надобности стрѣлять. Послѣ этой предусмотрительности, гости приказываютъ молодымъ дѣвушкамъ раздѣться; тѣ протестуютъ, сопротивляются, умоляютъ, но все напрасно. Капитанъ приказываетъ своимъ солдатамъ раздѣть несчастныхъ дѣвушекъ и держать ихъ передъ возбужденными взорами обѣдающихъ. Легко понять, что это была для нихъ за пытка.

А когда эти звѣри досыта наѣлись, напились и опьянѣли, то тутъ же, на глазахъ пьяныхъ и ухмыляющихся солдатъ, несчастныя дѣвушки стали предметомъ забавы этихъ дикарей...

Я не хочу воспроизводить здѣсь всѣ подробности, имѣющіяся въ Дѣлѣ Военнаго Министерства. На другой день, освобожденный отецъ узналъ, что его дочери провели конецъ ночи, предоставленныя скотской грубости солдатъ; одна изъ нихъ сошла съ ума, другая потомъ покончила съ собой отъ стыда и горя.

Нѣмецкій военный обычай допускаетъ также карательныя мѣры противъ дѣтей. У дѣтей маленькія ручки, которыя такъ легко отрубить. Ихъ ступни едва прикрѣплены къ ихъ ножкамъ. Немного пролитой крови—и операція кончена. Но бывало и лучше: сенаторъ Анри Лафонтенъ, получившій Нобелевскую премію, человѣкъ осторожный и мирный,—признается на митингѣ, что дѣтямъ жгли иногда ноздри и уши концомъ горящей сигары.

А грудныя дѣти—это совсѣмъ избранныя жертвы: ихъ мучаютъ, а они не могутъ ничего сказать.

Я хорошо знаю, что нѣмецкій военный обычай предписываетъ отрицаніе наилучше установленныхъ фактовъ и рекомендуетъ немедленно обвинять противника въ томъ, въ чемъ обвиняютъ ихъ, нѣмцевъ. Но басня о вольныхъ стрѣлкахъ и выколотыхъ глазахъ уже больше не годится и не вызываетъ довѣрія. Германскія газеты въ этомъ сознались, и перемѣна ролей становится все менѣе и менѣе возможной. Совершено слишкомъ много звѣрствъ. Всеобщее негодованіе проникло слишкомъ глубоко. Слишкомъ много голосовъ требуютъ мести. Ихъ негодующій

вопль заглушаетъ лживыя оправданія. Приходится волей-неволей принять на себя либо долю позора, либо долю безчестья. И вотъ тогда нѣмецкій военный обычай начинаетъ утверждать, что нужны были примѣры, потому что мирные граждане стрѣляли въ солдатъ. Но вѣдь не могли же дѣти, молодыя дѣвушки и даже старики нападать на офицеровъ. Кромѣ того, всѣ молодые люди сдали свое оружіе въ руки властей ихъ коммуны; были сданы даже охотничьи ружья. И тогда, придется допустить, что если и были выстрѣлы, то они были произведены бельгійской, или французской арміей, сражавшимися вполнѣ законно или же самими нѣмцами. Министръ Эмиль Вандервэльде недавно, въ Лондонѣ, прочелъ публично письмо одного изъ нѣмецкихъ начальниковъ, маіора фонъ-Бассевитца, сознающагося, что въ Гюи, во время схватки между пьяными солдатами, нѣмецкій офицеръ былъ убитъ нѣмецкой же пулей. А за этимъ послѣдовала кровавая репрессія и избіеніе гражданъ. То, что произошло въ Гюи, прибавилъ Вандервэльде, происходило также въ Лувенѣ и другихъ мѣстахъ. А вотъ запись одного изъ офицеровъ кайзера, который вноситъ въ свою записную книжку: «Хорошенькая деревушка Гэ-д, Осюсъ все же сгорѣла, хотя и не была виновна. Одинъ изъ нашихъ велосипедистовъ произвелъ при паденіи нечаянный выстрѣлъ, но тотчасъ же сталъ утверждать что въ него стрѣляли. Тогда всѣхъ жителей предали огню» («Matin», 3 апрѣля 1915 г.).

Впрочемъ никакія репрессивныя мѣры не могутъ оправдать того безумства мести и ненависти, которымъ германская армія предавалась въ Бельгіи.

Причину этихъ ужасовъ приходится искать въ нѣмецкихъ военныхъ узаконеніяхъ*). Эти узаконенія производятъ впечатлѣніе какого-то чудовищнаго умоизступленія. Имперія Вильгельма II взяла въ свое услуженіе всѣ древніе бичи міра. «Отъ голода, чумы, нашествія иноплеменниковъ избави насъ, Господи!» Мы, бельгійцы, можемъ, какъ наши предки, вознести къ небу ту же мольбу. Но когда мы говоримъ отъ «чумы», мы подразумѣваемъ Германію.

---

*) «Kriegesgebrauch im Landkriege» говоритъ: «Всѣ притязанія профессоровъ международнаго права должны быть принципіально отброшены, какъ несовмѣстимыя съ войной». И такъ лишь военныя правила управляютъ поведеніемъ нѣмецкой арміи и налагаютъ на нее обязанность совершенія преступленій, какъ своего рода исполненіе долга. Международному праву тутъ нечего дѣлать; таковъ приказъ.

БЕЛЬГІЯ ГОРДАЯ

Но какъ бы печальна ни была участь бельгійцевъ, они не имѣютъ права снизойти до жалобъ; они не должны подчеркивать свои несчастья. Ихъ достоинство въ томъ, чтобы быть на уровнѣ своихъ солдатъ. А ихъ солдаты—всѣ ведутъ себя героями.

Пусть женщины, изгнанныя изъ родныхъ деревень съ цѣлыми толпами дѣтей, уцѣпившихся за ихъ юбки, жалуются по большимъ дорогамъ на голодъ, на бѣгство, на изгнаніе—это понятно. Но недопустимо, чтобы мужчины,—особенно тѣ изъ нихъ, которые способны мыслить, которые умѣютъ хотѣть и дѣйствовать,—повторяли эти вопли печали: ужъ и безъ того слишкомъ долго они раздавались.

Когда-то тѣ изъ насъ, которые мечтали о болѣе великой Бельгіи, имѣли въ виду не увеличеніе территоріи въ Европѣ и не расширеніе нашихъ колоній въ Африкѣ. Они имѣли въ виду лишь возрожденіе Бельгіи, ея умственное и экономическое возрожденіе. Они хотѣли все болѣе и болѣе дѣятельной и совершенной промышленности, они хотѣли, чтобы умственный уровень былъ все болѣе и болѣе современный и живой. Они искали вліянія, но не завоеванія.

И вотъ, съ тѣхъ поръ, какъ Бельгія существуетъ, ея вліяніе никогда не было болѣе значительнымъ, чѣмъ теперь. Конечно, сейчасъ наши фабрики бездѣйствуютъ, ихъ лихорадочное дыханіе и огненное пыхтѣніе какъ-будто заглохли. Но никто не считаетъ ихъ умершими. Какъ только кончится война, они снова, на-подобіе волшебныхъ чудовищъ, оживутъ. Какъ бы ни велика была тяжесть покрывающей ихъ золы, она будетъ нипочемъ для ихъ тысячъ щупальцевъ, которые вытянутся и сплетутся въ яркомъ обновленномъ свѣтѣ.

Мы станемъ молодыми и быстрыми, какъ никогда. До сихъ поръ опасность никогда еще не посѣщала нашъ народъ. Мы были слишкомъ увѣрены въ завтрашнемъ днѣ. Мы жили, какъ богачи, не вѣдающіе нищеты. Намъ казалось, что война—это дѣло другихъ.

И вотъ она пришла къ намъ, лютая и грозная, въ тотъ моментъ, когда мы о ней не думали. Какъ обрушившаяся гора, грузная имперія Вильгельма навалилась на насъ и готова была насъ раздавить. Мы были одни, насъ было мало. На насъ напали безчестно, предательски. Мы поспѣшно сплотились въ старыхъ фортахъ Льежа. Намъ пришлось внезапно импровизировать нашу отвагу, создать наше сопротивленіе и вдохнуть въ себя новую душу. Все это выросло въ одинъ день, въ одинъ часъ, въ одну секунду. И мы удивили міръ.

Какъ незабвенны эти экспромтомъ рожденныя мужество и слава! Нѣкоторые изъ насъ, глядя на наши небольшіе отряды солдатъ, идущихъ на границу, не могли воздержаться отъ пророчества, что они по-

служатъ лишь пушечнымъ мясомъ, что арміи у насъ нѣтъ, полководцевъ—нѣтъ, крѣпостей—нѣтъ.

Четверо сутокъ спустя, имя—вчера еще неизвѣстное—переходило изъ устъ въ уста. Уличные ребятишки рядились генераломъ Леманомъ; дѣвочки продавали на улицахъ его портреты. Его тактика вызывала всеобщее восхищеніе. Больше того. Эти самые солдаты, которыхъ считали лишь пушечнымъ мясомъ, вернулись съ фронта въ Брюссель съ массой прусскихъ сабель въ рукахъ. Они стѣснялись и были счастливы: они сами еще сомнѣвались въ той прекрасной роли, которую сыграли. Женщины ихъ цѣловали, а мужчины несли ихъ съ тріумфомъ.

Одинъ изъ нихъ при видѣ нѣмецкаго аэроплана, который летѣлъ надъ Брюсселемъ, поднялъ въ воздухъ какого-то прусскаго орла, сорваннаго съ одной изъ остроконечныхъ касокъ и, неистово имъ потрясая, съ злобнымъ смѣхомъ бросилъ авіатору вызовъ: «А ну, попробуй, спустись, отними его у меня!» Это были прекрасныя минуты, переживаемыя въ лихорадкѣ и гордости. Погода стояла лучезарная. Воздухъ какъ-будто весь сіялъ золотомъ. И вмѣстѣ съ солнцемъ мы вдыхали героизмъ.

Первые успѣхи въ Льежѣ, въ Хасленѣ, въ Аэршотѣ, въ Алостѣ, въ Диксмюдѣ и въ Фернѣ навсегда привлекли къ Бельгіи всеобщее уваженіе и удивленіе. Въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ мы задерживали громадныя силы нѣмцевъ. Они разсчитывали посвятить намъ только три дня. Мы противопоставили удачныя возраженія догмату ихъ непобѣдимости. Мы убили ихъ первыя тысячи людей. Они приближались къ нашимъ крѣпостямъ, какъ двигающіяся

лавины, плечомъ къ плечу, точно припаянные другъ къ другу. Прежде чѣмъ итти въ атаку, они всѣ разомъ кричали: кайзеръ! кайзеръ! На что бельгійская картечь отвѣчала имъ сухимъ ожесточеннымъ трескомъ. И они падали цѣлыми рядами, какъ ряды костяшекъ отъ домино. Иногда внезапно свѣтъ блуждающаго цеппелина освѣщалъ ихъ агонію. Слышался длительный стонъ, потомъ все стихало и наступало молчаніе смерти.

Не намъ говорить о томъ, что именно мы, своимъ упорнымъ сопротивленіемъ, дали Франціи и Англіи время вооружиться и организоваться. Но при этомъ мы выполнили еще болѣе значительное дѣло. Наши солдаты въ Льежѣ и Хасленѣ представляли собой, даже не подозрѣвая этого, цѣлые вѣка цивилизаціи и культуры. Если Франція воплощаетъ древній Римъ и Грецію, то мы можемъ утверждать, что наши солдаты ихъ защитили и поддержали въ тотъ моментъ, когда ихъ духовное бытіе подвергалось наибольшей опасности. Вотъ почему этотъ актъ, столь простой, сталъ вдругъ великимъ. Не надо бояться вспомнить по этому поводу исторію о Ѳермопилахъ. Участь спартанцевъ подобна участи солдатъ Льежа: какъ и тогда, горсть людей спасла міръ.

При мысли о громадной, высокой услугѣ, оказанной нами Западу, мы должны ощущать настоящую гордость. Слезы унизили бы насъ. Скажемъ себѣ, что изъ всѣхъ народовъ Бельгія была избрана для выполненія одного изъ самыхъ высокихъ чудесъ міра, и что на ея долю выпала честь послужить первымъ наиболѣе дѣйствительнымъ оплотомъ, выдвинутымъ новѣйшей цивилизаціей противъ вѣкового звѣрства

и дикости; и что ея исторія присоединится къ исторіи тѣхъ немногихъ маленькихъ націй, которыя останутся навѣки безсмертными. Скажемъ еще о себѣ, что въ эти трагическіе дни мы жили такъ интенсивно, что вся наша прошлая національная жизнь—ничто по сравненію съ этими моментами, внезапными и прекрасными—подъ громовыми раскатами пушекъ. Во мнѣ такое чувство, что до этого мы даже не были «націей». Мы умаляли себя мелкими раздорами; мы спорили о словахъ, о несуществующемъ; намъ нравилось разъединеніе; мы попрекали другъ друга то валлонскимъ, то фламандскимъ происхожденіемъ; мы старались быть адвокатами, коммерсантами, чиновниками, совершенно не думая о томъ, чтобы прежде всего быть свободными и гордыми гражданами. Опасность оказалась для насъ спасительнѣе мира. Мы открыли самихъ себя. Мы сплотились въ такую единицу силы и мужества, мы создали такой оплотъ сопротивленія и стойкости, что въ глазахъ нѣкоторыхъ Бельгія родилась только вчера; и никогда она не ощущала такъ сильно реальности своего существованія, какъ съ тѣхъ поръ, когда лишенная своей территоріи, она осталась лишь съ королемъ, какъ лозунгомъ самопознанія и объединенія.

ЗАЩИТНИКИ ЛЬЕЖА

Стихотвореніе

Переводъ *Максимиліана Волошина.*

Пусть міръ войной кощунственной мятежимъ,
Пусть родину, открытую врагамъ,
Удастся раздавить германскимъ жерновамъ—
Безсмертна слава ихъ—за всѣхъ погибшихъ—тамъ
Подъ Льежемъ.

Горѣ подобная
Съ устоевъ сдвинутой и рушащей лавины
Въ долины,
На города, на села, на равнины—
Такъ двигалась Германія на насъ
Огромная и злобная.

Въ тотъ страшный часъ,
Когда бѣжали всѣ, ища защиты... Гдѣ же?
Не все ли рушилось? Не всюду ль смерть и мракъ?
Они одни держались въ Льежѣ.

Они боролись такъ
Затѣмъ, что вѣдали, что ихъ отвагѣ ввѣренъ
Священный стягъ
И Франціи, и Рима, и Аѳинъ.

Сверхъ силъ боролись всѣ, и каждый пребылъ вѣренъ,
И противъ толпъ—одинъ.

Кто думалъ въ эти дни проклятій,
Что врагъ—со всѣхъ концовъ?
Что противъ неисчетныхъ ратей
Они—лишь горсть бойцовъ?

За городъ, за форты дерясь поочередно,
За боемъ бой
Выдерживали бодро и свободно,
И каждый шагъ упорно кровяня
Сражались на бѣгу, не знали счета ранамъ
И ловки и быстры подъ ураганомъ
Огня.

Когда же цеппелинъ подъ небомъ сѣро-рдянымъ,
Внезапно въ ночь вонзая зоркій взглядъ,
Ихъ открывалъ прицѣламъ и ударамъ—
Никто не шелъ назадъ:
Всѣ, какъ одинъ, впередъ кидались съ жаромъ,
И ихъ ужъ не было на тѣхъ мѣстахъ дорогъ,
Куда срывался огненный потокъ.

Когда въ хмелю атакъ
Тѣснилъ ряды и шелъ на приступъ врагъ,
Кривыя молніи сомкнувшихся орудій
Хлестали вѣеромъ живую стѣну грудей,
Кося за рядомъ рядъ,
И опрокинувъ, гнали ихъ назадъ.

Лонсенъ и Шофонтенъ, Бонсель, Баршонъ
Гудѣли тяжкими стальными куполами,

И день и ночь у нихъ надъ головами
Былъ воздухъ взрывами и громомъ потрясенъ,
И сталь и мѣдь имъ рушились на шеи...
А между тѣмъ толпы ребятъ
Вино и хлѣбъ въ траншеи
Таскали для солдатъ.

Съ веселымъ юморомъ сердецъ неукротимыхъ
Бесѣда шла о подвигахъ простыхъ,
И души даже самыхъ молодыхъ
Въ тѣ ярые часы смертей неотвратимыхъ
Опасность сплавила; такъ крѣпко закаля,
Что равныхъ въ стойкости не вѣдаетъ земля.

Въ раскатахъ бури городъ,
Пылая, ликовалъ,
И съ пламенемъ вдыхалъ
Безстрашіе и порохъ.
Перерождаясь отъ огней,
Дышали тверже груди.
Существованія людей
Преображались въ чудѣ:
Сверхчеловѣчествомъ былъ каждый озаренъ.

О люди будущихъ временъ!
Пусть міръ войной кощунственной мятежимъ,
Пусть Бельгію, открытую врагамъ,
Удастся раздавить германскимъ жерновамъ—
Безсмертна слава ихъ—за всѣхъ погибшихъ—тамъ
Подъ Льежемъ!

НА ФРОНТѢ ВО ФЛАНДРІИ

Я покинулъ Англію пароходомъ черезъ Фолькстонъ. Автомобиль ждалъ меня въ Булони и мы немедленно тронулись въ путь. Черезъ нѣсколько секундъ мы уже мчались съ головокружительной быстротою. Намъ встрѣчались повозки съ провіантомъ и лазаретныя линейки, но это не мѣшало намъ ѣхать съ тою же скоростью. При встрѣчѣ съ другими автомобилями мы слышали внезапный и сильный грохотъ, какъ при встрѣчѣ двухъ скорыхъ поѣздовъ. Мы уже не думали объ опасности, грозившей нашей жизни.

Административная граница между Франціей и Бельгіей упразднена. Таможенные стражники пошли въ солдаты. Таможни не существуетъ. Остается лишь одинокій указательный столбъ. Однако препятствія, загораживающія дорогу, становятся все многочисленнѣе. Двѣ придвинутыя одна къ другой повозки, скрѣпленныя для прочности первымъ попавшимся подъ руку матеріаломъ, оставляютъ на шоссе лишь узкій проѣздъ, который оберегается солдатами. Требуется пароль. Наскоро крикнутый, онъ сливается съ вѣтромъ, и нашъ автомобиль мчится дальше.

Вотъ Аденкеркъ, и вотъ Фюрнъ. Маленькій городокъ, переполненный войсками. Солдаты ютятся въ церквахъ св. Николая и св. Вальбюржъ. Тамъ, для отдыха приготовлены постели изъ соломы. А надъ ними, вдѣланныя въ стѣну, тянутся ряды высокихъ могильныхъ плитъ. Имена давнихъ покойниковъ читаются съ трудомъ—время стерло многія буквы; едва можно разобрать даты, чины и ихъ многочисленныя добродѣтели.

Сидя на соломѣ, позолоченной солнцемъ, солдаты мало думаютъ о зловѣщемъ совпаденіи, по которому имъ приходится спать надъ мертвыми. Они смѣются, ѣдятъ... Подъ каѳедрой священника возвышается статуя св. Николая; патронная сумка виситъ на посохѣ епископа.

Городокъ Фюрнъ преисполненъ движенія. Безпрерывно несущіеся автомобили потрясаютъ мостовую, когда-то молчаливую. На площади, съ передвижныхъ ларей, продается и взвѣшивается рѣдчайшій и скверный табакъ. Идетъ дождь, отъ котораго табакъ сырѣетъ и честный фламандскій торговецъ даетъ каждому изъ своихъ военныхъ покупателей лишнюю щепотку—для вѣсу.

— Это по случаю скверной погоды,—прибавляетъ онъ;—но еще и потому, что я люблю солдатъ.

Передъ нами идетъ дорога въ Первизъ. По обѣимъ сторонамъ ея тянутся деревья; одни изъ нихъ точно срублены, другія безжалостно исковерканы. Посреди луговъ въ травѣ зіяютъ огромныя ямы; на днѣ торчатъ десятка два врывщихся въ землю, неразорвавшихся гранатъ, которыя не взорвались; одинъ артиллеристъ разсказываетъ мнѣ, что въ то время, когда гранаты

падали, испуганныя коровы убѣгали, но потомъ, влекомыя любопытствомъ, медленно возвращались къ самому краю ямы. Рыхлая земля часто подавалась, и нѣкоторыя коровы скользили на самое дно ямы, гдѣ лежали снаряды. Животная силились выкарабкаться снова наверхъ, и было страшно, какъ бы, топча эту груду пуль и пороха, онѣ вновь не разбудили бѣшенство задремавшихъ снарядовъ.

Тутъ и тамъ, посреди луговъ, около деревьевъ, стоятъ кресты. Фуражка и букетъ завядшихъ цвѣтовъ указываютъ, что тутъ спятъ послѣднимъ сномъ герои-солдаты. Вдали валяются лошадиные трупы.

При въѣздѣ въ Первизъ, насъ охватываетъ изумленіе. Главная улица напоминаетъ громадный музей доисторическій фауны: кровли домовъ, безъ черепицы и съ обвисшими до самаго тротуара стропилами, имѣютъ видъ подвѣшанныхъ позвоночныхъ хребтовъ, а то, что осталось отъ стѣнъ и остроконечныхъ фронтоновъ, напоминаетъ огромные скелеты, истлѣвшіе и растрескавшіеся.

Черезъ окна виднѣется убогая мебель бѣдныхъ семей. Постели разворочены; сброшенныя съ своихъ мѣстъ желѣзныя печки лежатъ съ торчащими вверхъ ножками. Распятіе, которое висѣло раньше надъ каминомъ, валяется на полу, а св. Іоаннъ и Пресвятая Дѣва остались нетронутыми картечью. Маленькій бѣлый вѣнокъ—память о первомъ причастіи, разорванъ пулями въ клочки, и лепестки розъ смѣшались съ известкой и копотью.

Въ предмѣстьѣ Первизъ уцѣлѣлъ только одинъ домъ. Его обитатель не захотѣлъ удалиться. Это ужс не молодой человѣкъ; онъ молча слѣдитъ глазами

за нами; въ рукахъ у него большая метла: сегодня суббота, и онъ среди развалинъ своей уничтоженной деревни тщательно подметаетъ свой тротуаръ и протираетъ окно, потому что завтра—воскресенье. О, прославленная фламандская чистота, она неисчезала даже во время войны и стихійнаго бѣдствія!

Мы направляемся къ Ньюпору, и проѣзжаемъ черезъ Коксидъ. Въ этой странѣ песчаныхъ холмовъ, гдѣ поднятый вѣтромъ песокъ колетъ вамъ глаза, расположились лагеремъ алжирская и сенегальская конница, и если бъ не рѣзкій холодъ, они могли бы вообразить себя въ своихъ пустыняхъ. На вершинѣ холма вырисовывается силуэтъ часового на лошади, четко выдѣляясь на фонѣ бураго сѣвернаго неба съ нависшими тяжелыми облаками, производитъ странное впечатлѣніе: будто клочокъ Африки приклеенъ къ клочку Фландріи.

Со всѣхъ сторонъ гремятъ пушки. Въ нѣсколькихъ шагахъ стоитъ французская батарея. Методично снаряды скользятъ въ орудіе и разъ за разомъ васъ оглушаютъ выстрѣлы. Мы приближаемся, смотримъ, восхищаемся. И вдругъ васъ охватываетъ желаніе взбѣжать на пригорокъ, прямо противъ врага, и безъ нужды рискнуть своей жизнью. Любовь къ опасности становится такой же всесильной страстью, какъ и любовь вообще; отъ нея пьянѣешь, и становится какъ-то стыдно, что не можешь, какъ другіе, сейчасъ же отдать своей жизни.

Мы идемъ къ траншеямъ: онѣ заграждаютъ дорогу около желѣзнодорожной станціи. Низко наклоняясь, мы ихъ осматриваемъ; онѣ похожи на казематы: тамъ спятъ, ѣдятъ и покуриваютъ наши солдаты. Родъ

навѣса укрываетъ митральезу. При свѣтѣ зажженной спички мѣдь блеститъ. Солдаты въ отличномъ настроеніи и смѣются, когда мы пожимаемъ имъ руки. Ихъ нѣсколько тяжеловѣсныя шутки валятся на нѣмцевъ, какъ комья земли. Вотъ уже два дня какъ траншеи безмолвствуютъ. Непріятель бомбардируетъ то Диксмюдъ, то Ньюпоръ. Можно подумать, что его стрѣльбой руководитъ пустой капризъ. Съ того дня, когда битва на Изерѣ была роковой для нѣмцевъ, ихъ усилія какъ будто потеряли всякое опредѣленное направленіе: они производятъ шумъ, чтобы только поддержать чувство страха.

Мы возвращаемся въ Рамскапель, гдѣ натыкаемся на тѣ же сцены отчаянія, что и въ Первизѣ. Улицы усыпаны битой черепицей и стекломъ. Матрацы, одѣяла, даже передники и бѣлье затыкаютъ зіяющія оконныя рамы. Вдругъ изъ погреба раздается кошачье мяуканье; мы спускаемся: худой, запуганный звѣрекъ бросается отъ насъ и убѣгаетъ.

Странной была игра картечи въ Рамскапелѣ. Пули влетали и вылетали изъ домовъ неизвѣстно какимъ образомъ; можно было прослѣдить ихъ фантастическій путь. Вотъ дверь, вся пробитая пулями и превращенная въ настоящее рѣшето. Какъ и въ Первизѣ, церковная крыша свѣсилась и похожа на огромный скелетъ, черезъ который по вечерамъ сіяютъ звѣзды.

Вся эта картина разрушенія, видѣнная мною при посѣщеніи Фландріи, отозвалась въ душѣ глубокой печалью. Но тутъ же душа моя испытала высокій подъемъ, при видѣ молчаливаго мужества солдатъ и упорной стойкости мирныхъ гражданъ.

Безъ сомнѣнія раздаются жалобы на то, что все

разрушено, и разрушено съ такою ненавистью и изступленіемъ; но жалобы эти скоро смолкають. Въ сердцахъ самыхъ смиренныхъ крестьянъ остался запасъ какой-то мрачной энергіи. Они выполняютъ свой трудъ методично, точно война лишь тяжкій сонъ и важно только пробужденіе.

Изъ всѣхъ этихъ городовъ и деревень возстанетъ чудесное возрожденіе. Выстроятъ вновь и библіотеку Лувэна, и церковь св. Петра, и коммунальный домъ въ Ипрѣ, и башни въ Ньюпорѣ и Диксмюдѣ; ихъ камни скрѣпятъ такою же прочной и твердой известью,—какъ прочна и тверда ненависть, внушаемая нынѣ нѣмцами.

Слава павшихъ въ Ипрѣ, Диксмюдѣ и Ньюпорѣ никогда не умретъ. Ихъ могилы будутъ священными мѣстами. Самая незначительная деревушка фламандскаго побережья будетъ имѣть на своемъ крошечномъ кладбищѣ какъ бы школу подъ землей, и тутъ, въ годовщину сраженія, дѣти будутъ черпать уроки ихъ расы, упорной и стойкой, какъ вода, дождь и вѣтеръ ихъ страны. Самые прекрасные дни Фландріи—впереди. Наши мертвецы насъ въ томъ безмолвно завѣряютъ.

ДЕРЕВНИ И СЕЛА ФЛАНДРІИ.

Если Англія—громадный лугъ съ рѣдкими вспаханными полями, то Фландрія—шахматная доска, клѣтки которой покрыты рожью, овсомъ, льномъ, клеверомъ. Небольшія фермы съ чистыми и теплыми хлѣвами, съ дверями и ставнями, выкрашенными въ зеленую краску, съ красными крышами и бѣлыми коньками, оживляютъ поля шумомъ цѣповъ, молотящихъ рожь, и колесъ, треплющихъ ленъ.

Въ этихъ деревняхъ ютится мирная и скромная жизнь. Церковь тамъ—какъ божій дворецъ. Въ церкви изобиліе ярко раскрашенныхъ статуй святыхъ и шелковыхъ съ золотомъ хоругвей. Каждый день играютъ на органѣ. Въ большіе праздники алтари загромождаются серебряными подсвѣчниками, священники облекаются въ самыя красивыя ризы. На Рождество и на Пасху поютъ лучшіе пѣвчіе кантона. Все проникнуто тихимъ, религіознымъ настроеніемъ; въ каждомъ обрядѣ чувствуется красота, художественность, и это придаетъ какую-то радостную серьезность жизни самыхъ маленькихъ селъ.

Фландрія прекрасна красотою цѣлыхъ столѣтій. Въ ней процвѣтаютъ тихія традиціи и пламенныя

произведенія искусства. Въ глубинѣ каждой капеллы есть картина либо готической школы, либо въ духѣ Ванъ-Ейка или Рубенса. Тамъ встрѣчаются то апоѳеозъ прекраснаго Христа, окруженнаго ангелами, то возложеніе вѣнца на Пресвятую Дѣву съ красивымъ тѣломъ. Святые изображены среди гирляндъ изъ розъ. Святое семейство напоминаетъ состоятельныя фламандскія семьи, которыя проводятъ время въ просторныхъ бѣлыхъ комнатахъ, въ обществѣ птицы въ клѣткѣ или попугая на шестѣ.

Такова декорація деревни во Фландріи. Кромѣ того, въ ней есть главная улица, на которой живутъ нотаріусъ, пивоваръ и докторъ, и двѣ-три улицы поменьше, соединяющіяся съ главной, какъ вѣтви большого дерева съ его стволомъ. На перекресткѣ дорогъ, въ стѣнѣ углового дома, выдѣляются статуэтки Богоматери; добросердечныя жены нотаріуса, пивовара и доктора украшаютъ ихъ каждый годъ въ маѣ мѣсяцѣ живыми цвѣтами.

Разъ въ недѣлю на большой площади или около церкви устраивается рынокъ. Фермеры продаютъ тутъ молоко и масло; ихъ работники пригоняютъ поросятъ, а иногда и овецъ; бабы разворачиваютъ свои полотна. Торговля самая скромная, сдѣлки самыя мелкія, и все же разъ въ недѣлю это вноситъ сюда нѣкоторое оживленіе. Во время храмовыхъ праздниковъ лихорадочное возбужденіе доходитъ до какого-то безумія. Во всѣхъ кабакахъ шумъ и гамъ; вездѣ открываются залы для танцевъ. Неистовые оркестры, состоящіе изъ корнетъ-а-пистона, скрипки, кларнета и трубы, своими рѣзкими звуками какъ бы подстегиваютъ сотни тяжеловѣсныхъ кружащихся

паръ. Цѣлыми часами, въ объятьяхъ другъ друга, танцующіе кружатся безъ остановки. Когда, послѣ вальса или польки, начинается кадриль, эти танцоры притоптываютъ своими каблуками съ такой силой, что разбиваютъ плитки пола. Подчасъ, во время свалки, ножъ дѣлаетъ свое кровавое дѣло. Парни оспариваютъ другъ у друга предпочтеніе дѣвушекъ; любовники ссорятся, старики напиваются до-пьяна, и разнузданныя пиршества, когда-то воспѣтыя Бровэромъ и Кресбэкомъ, воскресаютъ почти въ полной неприкосновенности.

Такова жизнь,—точнѣе такова была жизнь маленькихъ деревень въ провинціяхъ Фландріи, Брабанта, Эно и Льежа до нашествія нѣмцевъ. Тѣ, которымъ теперь пришлось побывать въ этихъ мѣстахъ, находятъ ихъ неузнаваемыми.

Газеты сообщаютъ намъ свѣдѣнія о городахъ; онѣ не интересуются деревушками и поселками, затерянными среди полей. Я знаю мѣста въ Арденнахъ, въ Эсбэ, въ Фамэнъ, въ Боринажъ, въ Брабантѣ во Фландріи, гдѣ крестьяне теперь буквально голодаютъ. Въ мирное время эти бѣдняки живутъ продуктами своихъ фермъ. Они рѣжутъ свинью, солятъ мясо и потомъ въ теченіе всей зимы ѣдятъ его медленно, недѣлю за недѣлей. Въ погребѣ у нихъ хранится запасъ картофеля, а на чердакѣ—двадцать мѣшковъ зерна. Они такъ жили долгіе-долгіе годы. Весь міръ для нихъ—это ихъ далекое уединенное жилище; они въ немъ скопили все свое пропитаніе и все свое имущество. Они трудились все лѣто, чтобы обезпечить себя про черный день хлѣбомъ и мясомъ. Они сами создали себѣ свою судьбу;—они надѣялись, они вѣрили.

И въ ихъ представленіи никакой законъ, ни божескій, ни человѣческій, не могъ лишить ихъ того, что они посѣяли и пожали для себя, для жены, для дѣтей.

Въ началѣ войны уланы являлись въ села маленькими отрядами: они останавливались, разспрашивали и шли дальше. Они еще не озвѣрѣли: опасаясь ловушекъ, они льстили; въ нихъ было желаніе подойти почти дружески, страхъ дѣлалъ ихъ обходительными.

Позднѣе, когда цѣлые полки проникли въ мѣста, гдѣ раньше прошли первые одиночные уланы, нѣмецкая заносчивость сразу вышла наружу. Начались грабежи и еще чаще казни. Робость превратилась въ звѣрство. Теперь уже извѣстно, сколько нужно было пролить крови и нагромоздить развалинъ, чтобы насытить тевтонское варварство.

И теперь, когда послѣ потушенныхъ пожаровъ деревни вновь забыты, когда то, что пощадили огонь и мечъ, продолжаетъ все-таки существовать, нужно вспомнить о безмолвной и зловѣщей судьбѣ не только близкихъ городковъ, но и далекихъ деревень.

Я хорошо себѣ представляю, какова должна быть въ настоящее время агонія поселковъ въ Кампинѣ или въ Ардэнѣ, тамъ, среди вереска, въ долинахъ, или среди болотъ. Все, что обезпечивало пропитаніе этихъ бѣдняковъ—украдено или реквизировано. У нихъ было нѣсколько коровъ? Но онѣ зарѣзаны интендантствомъ. Раньше на дворѣ расхаживала полудикая плодовитая свинья, а кругомъ нея копошилось и хрюкало ея потомство,—но вотъ уже три мѣсяца какъ все расхищено. Въ обмѣнъ дана долгосрочная квитанція. Больше того: съ чердаковъ снесены мѣшки

съ зерномъ; рѣпа, спрятанная въ ямахъ—взята; сѣно и солома—перешли въ собственность удаляющейся кавалеріи. И въ опустошенной фермѣ остались одни ея жители, лишенные рѣшительно всего. У нихъ утащили даже одѣяла съ ихъ убогихъ постелей и послѣдній матрацъ съ кровати. Уцѣлѣли однѣ лишь стѣны да часть черепицы на кровляхъ. Чѣмъ же они будутъ теперь жить? Они не умѣютъ зарабатывать свой хлѣбъ на сторонѣ; они живутъ далеко отъ городовъ и часть даже не знаетъ туда дороги; а если бы и знали, то города все же не могли бы имъ помочь, потому что города также разграблены и разгромлены, и лавки ихъ закрыты.

Но въ городахъ немногія оставшіяся власти все же заботятся о жителяхъ и мало-по малу организуются; сосѣдскіе комитеты интересуются судьбой гражданъ. Иностранцы, посылающіе съѣстные припасы, направляютъ ихъ въ города. Какъ только люди составляютъ группу, у нихъ является вѣроятность найти помощь. Въ самыхъ маленькихъ городкахъ люди помогаютъ другъ другу: они поддерживаютъ, ободряютъ другъ друга. Какая-нибудь желѣзнодорожная вѣтка еще соединяетъ ихъ съ другими городами: путь обозовъ лежитъ черезъ нихъ. Энергичный гражданинъ, благодаря своей дѣятельности, собираетъ кое-какіе необходимые припасы. И лучъ надежды пронизываетъ самыя черныя тучи. Нѣтъ полнаго отчаянія, нѣтъ и смерти.

Въ селахъ — не то. Какая бы то ни было иниціатива отсутствуетъ: помощь ниоткуда не доходитъ. Жалобы остаются одинокими и неуслышанными. Хижины далеки одна отъ другой: онѣ разбросаны среди полей; среди тумана онѣ кажутся островами голода и скорби.

А потому тѣ изъ насъ, которые истинно сочувствуютъ роковой судьбѣ, тяготѣющей надъ Бельгіей,— пусть приблизятъ свое сердце всего ближе къ печальному сердцу крестьянина. Тутъ кроется самая тяжкая, хотя и безмолвная бѣда. Несмотря на все свое горе, этотъ крестьянинъ, отдавшій родинѣ всѣхъ своихъ сыновей,—не жалуется. А сыновья его тамъ, среди военной бури; быть можетъ они еще живы, быть можетъ уже мертвы,—отецъ этого не знаетъ.

Сегодня—Рождество. Онъ, по привычкѣ, садится передъ своимъ потухшимъ очагомъ; его руки обречены на бездѣлье, но мысль его работаетъ. И этотъ человѣкъ, сила котораго проста и молчалива, который выказалъ себя героемъ, когда это было нужно, думаетъ сейчасъ о своей неизбѣжной смерти въ своемъ домѣ, въ домѣ, который принадлежалъ его отцу. Онъ чувствуетъ себя одинокимъ и заброшеннымъ. Онъ одинъ, на краю полей, какъ будто одинъ на краю свѣта.

Неужели же людское состраданіе такъ ограничено, что не въ силахъ достичь до этихъ уголковъ Фландріи и Валлоніи и поддержать человѣка, упорно молчащаго, и котораго завтра, быть можетъ, больше не будетъ?

(Рождество, 1914 г.).

ДИКСМЮДЪ, НЬЮПОРЪ, ИПРЪ.

Милые маленькіе городки—Диксмюдъ, Ньюпоръ, Ипръ! Я могъ на нихъ взглянуть лишь издали!

Съ какимъ волненіемъ увидалъ я вновь это побережье,—единственный клочокъ свободной земли, еще оставшейся отъ моей родины! Радость, скорбь, всѣ сильныя и безумныя чувства охватили меня. Я смѣялся и плакалъ. Никогда еще мое сердце не было такъ близко къ моему народу. Мнѣ хотѣлось хоть на единый мигъ воплотиться одному во всѣхъ моихъ предковъ, чтобы любить Фландрію не одной душой, а цѣлой сотней заразъ. Потребность продолжиться и расшириться была столь повелительной, что я страдалъ, сознавая себя только самимъ собой. Какой прекрасный и утѣшительный подъемъ духа испытывалъ я въ безмолвіи.

Видѣть, какъ разрываются гранаты, мнѣ довелось впервые въ Ньюпоръ-Курортѣ. Какъ только онѣ касались земли, подымался тяжелый, черный дымъ. Ночью, наоборотъ, онѣ, какъ молнія, освѣщали небо. Это было страшно и прекрасно.

Ньюпоръ-Курортъ—это всего лишь рядъ болѣе или менѣе хорошенькихъ домовъ въ новѣйшемъ вкусѣ,

вытянувшихся вдоль плотины изъ камня и кирпича. Ньюпоръ-Городъ, наоборотъ, мѣсто безмолвія и красоты. Какіе тихіе домики! На окнахъ маленькія занавѣски, приподымаемыя любопытной рукой, какъ только кто-нибудь проходитъ по улицѣ. Тротуары съ неровными плитами, окаймленными мхомъ и травой. Кругомъ старинной церкви хорошенькая площадь, на которой лежатъ круглыя тѣни разсаженныхъ деревьевъ; а тамъ, на самомъ концѣ города, громадная башня тампліеровъ. Она возвышается, какъ исполинскій каменный столбъ друидовъ, или какъ развалина египетскаго храма. Я не знаю ничего болѣе неожиданнаго, какъ появленіе этого прямоугольнаго колосса среди ровныхъ дорогъ и полей. Свидѣтель всего великаго и благороднаго, что происходило въ героическія времена, онъ говоритъ о силѣ и стойкости. Онъ какъ-будто хочетъ поднять настоящее на высоту прошлаго. Онъ не хочетъ рушиться, онъ выполняетъ миссію, тѣмъ болѣе повелительную, что она безмолвна.

Нѣмцы обстрѣливали эту башню, но разрушить ее не могли. Идея, воплощаемая ею, прочнѣе ихъ организованной и свирѣпой ярости.

Въ Диксмюдѣ, помимо широкой живописной площади, украшенной старинной дивной церковью, есть еще маленькій, тихій Бегинскій монастырь, монахини котораго живутъ тамъ словно на краю свѣта; трудно повѣрить, до чего жизнь этого монастыря уединенна. Три-четыре монахини утромъ и пять-шесть послѣ обѣда проходятъ каждая въ свой часъ по немногимъ дорожкамъ отгороженнаго мѣста; бѣлые, спускающіеся на грудь капоры обра-

мляютъ ихъ лица и разливаютъ какой-то тихій, умиротворенный свѣтъ на ихъ черты. За окнами старыя женщины, переутомленныя жизнью, работаютъ своими старыми руками надъ мелкими рукодѣліями. Лѣтомъ онѣ сидятъ на воздухѣ у порога своихъ келій; а всю зиму проводятъ на одномъ и томъ же мѣстѣ въ обществѣ стараго молитвенника, или едва мерцающаго огня ихъ очага. Онѣ сотворили себѣ сокровище изъ привычки и однообразія. Бѣлая стѣна, въ простѣнкѣ на каминѣ распятіе, статуэтка святой, нѣсколько соломенныхъ стульевъ и тростниковый ковррикъ передъ каждой изъ нихъ, удовлетворяютъ ихъ желаніямъ строгой чистоты. И право же, если бъ на землю вернулась Пресвятая Дѣва, Она бы избрала для затворнической жизни послѣ смерти Сына, эту обитель бѣдности, тишины и чистоты помысловъ.

Въ противоположность Ньюпору и Диксмюду, Ипръ—городъ съ воинственнымъ и славнымъ прошлымъ. Его большая площадь, послѣ брюссельской, красивѣйшая въ мірѣ. Тамъ собрано все: ратуша, соборъ, крытый рынокъ; и если несомнѣнно, что ратуша и соборъ—остатки искусства истинной красоты, то крытый рынокъ—зданіе единственное въ мірѣ. Строгость стиля, размѣры, его симметричныя удлиненныя линіи, его крыша—похожая на громадныя крылья съ черепичными перьями, стройныя прямыя стѣны, вся эта могучая масса вызываетъ во мнѣ образъ какого-то грандіознаго ковчега: въ случаѣ опасности, цѣлый городъ могъ бы найти тамъ пріютъ. Внутри скромный художникъ, имя котораго достойно славы, провелъ всю свою жизнь надъ двадцатью

фресками, содержаніе которыхъ заимствовано изъ лѣтописей города; имя его—Дельбекъ. Ни одинъ словарь знаменитыхъ людей не упоминаетъ ни о его рожденіи, ни о его смерти. Онъ скромно провелъ цѣлые годы въ прославленномъ зданіи, съ однимъ единственнымъ желаніемъ: не испортить своимъ искусствомъ величественныхъ стѣнъ, судьбу которыхъ ему довѣрили. И онъ ихъ не только не испортилъ, а напротивъ, сдѣлалъ еще болѣе цѣнными, болѣе выразительными. Онъ изобразилъ на нихъ въ красивыхъ линіяхъ и спокойныхъ краскахъ сцены изъ жизни великихъ гражданъ, доброжелательныхъ графовъ и торжественно-важныхъ должностныхъ лицъ.

Крытый рынокъ въ Ипрѣ—зданіе городское; когда-то суконщики, ткачи и валяльщики сдѣлали изъ него центръ своихъ сдѣлокъ. Онъ былъ свидѣтелемъ народныхъ бунтовъ и возстаній; онъ пережилъ моменты тоски и отчаянія, а также гордости и восторга. Онъ представлялъ собою уцѣлѣвшія столѣтія.

Отличительная черта, дѣлающая Ипръ непохожимъ на Брюгге, та, что городъ не превращенъ въ музей. Брюгге, какъ и Нюренбергъ, приспособленъ для туристовъ. Тамъ строятъ фальшивые памятники въ старинномъ стилѣ, съ намѣреніемъ, чтобы неосвѣдомленный путешественникъ принялъ ихъ за настоящіе. Въ Ипрѣ нѣтъ обмана; городъ не рядится въ археологическіе наряды съ тѣмъ, чтобы ввести въ заблужденіе иностранца. Въ Ипрѣ—настоящее прививается къ прошлому, безъ желанія это утаить: это честнѣе и откровеннѣе.

Вотъ каковы, точнѣе, каковы они были до войны,—

эти знаменитые три городка Фландріи до войны—Ньюпоръ, Диксмюдъ, Ипръ. Каковы они теперь?..

Они составляли какъ бы спокойно-славную нераздѣльную троицу: тому, кто произносилъ названіе одного изъ нихъ, сейчасъ же хотѣлось прибавить названія двухъ другихъ. Море ихъ любило; оно бѣжало къ нимъ, наполняя ихъ шумомъ своихъ волнъ и особенно воемъ вѣтровъ равноденствія, широкая и дикая пѣсня которыхъ ихъ убаюкивала. Ихъ башни, поверхъ песчаныхъ холмовъ, смотрѣли, какъ на горизонтѣ проходили большіе корабли. Они господствовали надъ плодородной страной, когда-то, въ началѣ историческихъ временъ, похищенной нашими предками у моря. Прекрасныя дороги, окаймленныя ивами, вели отъ Ипра въ Диксмюдъ и отъ Диксмюда въ Ньюпоръ. Городки эти стремились лишь къ мирной, тихой жизни подъ лучами солнца. И вотъ вдругъ ихъ избрали какъ цѣль для грозныхъ пушекъ.

Говорятъ, что сейчасъ отъ нихъ остались однѣ развалины. Фотографическіе снимки, сдѣланные въ дни бомбардировки, показываютъ намъ крытый рынокъ въ Ипрѣ въ огнѣ. Сначала видно, какъ сквозь щели черепицъ поднимается дымъ, затѣмъ, въ слѣдующихъ снимкахъ, видно пламя, похожее на обгрызанный лоскутъ матеріи; и наконецъ—все сливается въ общемъ пожарѣ. Башня еще стоитъ, какъ Геркулесъ на кострѣ, но и она скоро превратится въ грозный, каменный скелетъ, въ которомъ уже никогда больше не будетъ обитать большой колоколъ, бывшій его душой.

Въ главной церкви Диксмюда запрестольная картина «Поклоненіе Волхвовъ» была кисти Жорданса.

На заднемъ планѣ былъ виденъ въ смиренной позѣ добрый Іосифъ, а крестьяне Фландріи съ веселыми лицами и въ непочтительныхъ позахъ поднимали его на смѣхъ; на переднемъ планѣ разстилалось все великолѣпіе Востока. Эта вольная сцена, примѣшанная къ религіозному сюжету, сочно синтезировала фламандскій духъ, одновременно мистическій и чувственный. Существуетъ ли еще это произведеніе искусства? Или оно погибло отъ нѣмецкой картечи? Или, быть можетъ, оно на пути въ Берлинъ, и его собираются повѣсить на стѣнѣ музея кайзера Фридриха?

Вѣроятно, права Ипра, Ньюпора и Диксмюда будутъ больше правъ другихъ городовъ, когда настанетъ часъ сведенія счетовъ. Они больше потерпѣли, ихъ пытали длительнѣе и настойчивѣе; они были открытыми городами и не могли предполагать, что врагъ придетъ такъ далеко, на край страны, чтобы ихъ мучить и превратить въ груду пепла и развалинъ.

Болѣе, чѣмъ Гентъ, Брюгге или Антверпенъ, они остались чисто фламандскими. Они жили со своимъ звонкимъ и свѣтлымъ нарѣчіемъ, выражающимъ ихъ душу болѣе живо и изящно, чѣмъ блѣдный ученый и чиновничій языкъ большихъ городовъ. Война глубоко вырвала ихъ изъ тишины, которая была имъ по душѣ; и теперь они стремятся лишь къ одному: вернуть себѣ снова тишину, но чтобы это не было могильнымъ безмолвіемъ нѣмецкаго гнета, а прежней спокойной тишиной подъ покровомъ ихъ милой Фландріи, какъ это было въ прекрасное мирное время.

Старый поэтъ Ледеганкъ, когда-то, написалъ оду,

озаглавленную *„Три родныхъ города“*; въ ней онъ прославлялъ Брюгге, Антверпенъ и Гентъ. Отнынѣ нужно будетъ воспѣвать Ньюпоръ, Ипръ и Диксмюдъ, сохранивъ заглавіе, избранное старымъ поэтомъ.

АЛЬБЕРТЪ I,
КОРОЛЬ БЕЗЪ СТРАХА И УПРЕКА.

Всѣ, кто его зналъ раньше, чѣмъ онъ сдѣлался королемъ, не сомнѣвались въ немъ, но все же спрашивали себя: какъ, какимъ именно образомъ, онъ себя проявитъ? Онъ принадлежитъ къ роду королей, опредѣляющихся поздно, не сразу. Леопольдъ I достигъ славы европейскаго посредника, когда ему было уже пятьдесятъ лѣтъ. Леопольдъ II въ началѣ своего царствованія былъ всецѣло во власти своихъ всесильныхъ министровъ—Рожье и Фрэръ-Орбана; ему нужно было сначала стряхнуть съ себя ихъ опеку, чтобы стать тѣмъ, кто открылъ Африкѣ путь къ цивилизаціи и, какъ-бы, подарилъ міру новый континентъ. Итакъ, второй король Бельгіи началъ съ такими же колебаніями и такъ же скромно, какъ и первый.

Какъ же суждено было проявить себя третьему?

Будучи наслѣдникомъ, Альбертъ I занимался общественными и военными вопросами. Онъ говорилъ всегда очень сдержанно, но всякій, кто имѣлъ честь съ нимъ бесѣдовать, скоро замѣчалъ, что ко всему онъ относится въ высшей степени серьезно. И нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ бы вполнѣ въ силахъ, вмѣстѣ

со своимъ правительствомъ, провести нѣкоторыя смѣлыя и опредѣленныя реформы какъ соціальныя, такъ и демократическія. Повидимому онъ уже и началъ мало-по-малу намѣчать эти новые пути, какъ внезапно вспыхнула война.

Я никогда не забуду день 4 августа 1914 года, когда я видѣлъ, какъ король Альбертъ I входилъ въ парламентъ и, затѣмъ, какъ онъ выходилъ оттуда, точно слившись въ единое нераздѣльное со всею націей; это великое пріобщеніе было какъ разъ наканунѣ нашей кровавой Пасхи.

Да, для насъ это была воистину Святая Пасха; это было наше Воскресеніе. Намъ была объявлена война. Вездѣ царила страшная тревога. На нашу границу обрушилась громадная лавина людей и орудій и угрожала старымъ фортамъ Льежа; насъ было мало передъ такой подавляющей массой; мы не могли надѣяться на побѣду; наша слава, наше величіе заключались лишь въ оказаніи сопротивленія. Мы просто выполнили нашъ долгъ, и это сразу насъ обновило. Гордость, порывъ, героизмъ, способность принести себя въ жертву, все то, что наше матеріальное благосостояніе, наши цвѣтущіе финансы и наше тяжеловѣсное богатство не давали намъ открыть въ нашей душѣ, появилось на божій свѣтъ и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль превратило маленькую Бельгію—въ великій народъ.

Для большинства изъ насъ родина была не болѣе, какъ предлогомъ для офиціальныхъ рѣчей и народныхъ кантатъ; въ насъ совсѣмъ не было шовинизма; многіе изъ насъ, часто лучшіе, жалѣли, что ихъ страна такъ мала. Однимъ хотѣлось быть францу-

зами; другимъ англичанами; нѣкоторые, фламинганты, даже желали стать нѣмцами. Теперь все это исчезло; всѣ мы стали бельгійцами и только ими. И ими мы останемся до самой смерти. Мы вѣримъ въ свою страну, какъ вѣрующіе вѣрятъ въ небеса.

Нашъ третій король воплощаетъ это воскресеніе. Одинъ среди всѣхъ вождей и императоровъ, ведущихъ войну, онъ сразу же пошелъ вмѣстѣ съ своими войсками; онъ дѣлитъ съ ними опасность и славу, онъ остается вблизи траншей; долгіе мѣсяцы онъ живетъ въ страшной атмосферѣ нападеній и обороны, полной вѣчной тревоги; онъ олицетворяетъ собой спокойное мужество, отчаянное сопротивленіе, живую и глубокую силу. Больше того: передъ своими генералами и офицерами, онъ, не разъ, показалъ себя искуснымъ и проницательнымъ военачальникомъ; онъ внушалъ имъ свои взгляды и оказывалось, что они были всегда удачны и вели къ цѣли. По мѣрѣ того какъ развертывались мрачныя и страшныя событія, его крупная личность и высокія душевныя качества принимали все болѣе и болѣе отчетливые контуры. Война разразилась какъ будто для того, чтобы онъ себя открылъ, чтобы онъ вышелъ изъ выжидательности и замкнутости, чтобы онъ занялъ свое мѣсто не позади своихъ знаменитыхъ предшественниковъ,—а рядомъ съ ними. И если Леопольдъ I прославился какъ дипломатъ, а Леопольдъ II—какъ колонизаторъ, то Альбертъ I проявилъ себя солдатомъ.

Онъ—солдатъ, по-настоящему, а не на манеръ германскаго императора. И это стало очевиднымъ съ самаго начала войны. Ихъ манифесты глубоко

различны. Манифестъ Вильгельма II—это какая-то мистическая реторика, гдѣ онъ, упражняясь въ литературномъ парадированіи, думаетъ лишь о томъ, чтобы поразить, а не убѣдить. Манифестъ Альберта I простъ и искрененъ. Онъ говоритъ, что самъ беретъ ружье и идетъ на врага. Онъ не призывалъ въ союзники неба; онъ не лгалъ; онъ не объявлялъ себя ни посланникомъ Бога, ни любимцемъ Пресвятой Дѣвы. Онъ самымъ естественнымъ образомъ обращалъ свои взоры къ Провидѣнію, а затѣмъ—полагался на свое мужество и на свои силы.

Къ декоративной сторонѣ придворной жизни онъ оставался болѣе, чѣмъ равнодушенъ. Онъ не устраивалъ себѣ шумныхъ въѣздовъ въ города; онъ не принималъ позы Лоэнгрина на носу своей яхты; онъ старался дѣлать на землѣ возможно меньше безполезнаго шума; онъ былъ скупъ на жесты и слова; онъ любилъ ходить пѣшкомъ...

Его пріемы не наводили страха, напротивъ, смущался онъ, и только крѣпкое пожатіе руки говорило вамъ, что вы—желанный гость. Бесѣда сначала не клеилась, но разъ она, продлившись, выходила изъ неизбѣжной стадіи банальнаго вступленія, она сейчасъ же становилась серьезной и значительной. Король освѣдомленъ во всемъ, хотя онъ самъ не поэтъ, онъ цитируетъ нѣкоторыя строфы, которыя онъ отмѣтилъ во время чтенія. Наблюдающееся сейчасъ въ Бельгіи движеніе въ области искусства вызываетъ въ немъ глубокое восхищеніе; онъ его понимаетъ, поддерживаетъ, хвалитъ. Онъ былъ первымъ нашимъ королемъ, который упомянулъ объ этомъ движеніи въ своей тронной рѣчи.

Народъ любитъ Альберта I еще за то, что онъ—«красивый малый». Никогда «сухорукій» король не могъ бы быть популярнымъ въ Бельгіи. Тотъ, кто царствуетъ, долженъ умѣть владѣть шпагой обѣими руками. Альбертъ I—здоровый, широкоплечій, сильный. Онъ воплощаетъ идеалъ красоты, излюбленный фламандцами и валлонами; они не отдѣляютъ красоту отъ силы. Они знаютъ, что при случаѣ ихъ король не ударитъ лицомъ въ грязь на любой пирушкѣ. Бельгіецъ—прирожденный поборникъ равноправія. Нѣмецкое высокомѣріе и спесь онъ прямо не выноситъ. Когда онъ видитъ нѣмецкаго офицера, идущаго по улицѣ Брюсселя, особенно, если этотъ офицеръ маршируетъ своимъ параднымъ «гусинымъ» шагомъ, ему, съ точки зрѣнія его простого буржуазнаго здраваго смысла, кажется, что это марширует и парадируетъ сама воплощенная глупость. Альбертъ I старается быть солдатомъ—не для парада. Въ немъ есть та естественная фамильярность, которую народъ требуетъ отъ тѣхъ, кого любитъ и уважаетъ.

Въ достиженіи своей популярности,—быстрой въ началѣ, прочной—потомъ и затѣмъ—окончательной, король нашелъ поддержку въ своей подругѣ, въ королевѣ. Она сразу поняла, что надо дѣлать, какія качества надо проявить. Ея застѣнчивость, ея мягкая сила и тактъ, были ея лучшимъ оружіемъ. Художники полюбили ее такъ же, какъ и простой народъ. Она музыкантша. Ея интересъ и любовь къ искусству обняли также и литературу. Она окружила себя лучшими произведеніями искусства и литературы; и скульпторы, и художники охотно

пошли ей навстрѣчу. Она устроила въ брюссельскомъ дворцѣ три или четыре залы по своему вкусу. Казенныя колонны, позолота, люстры и канделябры исчезли. Стѣны были покрыты одноцвѣтными простыми матеріями, и на нихъ королева съ простымъ и вѣрнымъ вкусомъ размѣстила картины молодыхъ бельгійскихъ художниковъ, при случаѣ выступая на ихъ защиту. Тѣ, которые имѣли честь знать ее лично и могли говорить съ ней совсѣмъ откровенно, знали, что всякое новое и искреннее художественное движеніе ее живо интересовало. И она съ радостью поддавалась его обаянію.

Война показала всѣмъ, какъ королева, первая, сумѣла служить своему королю. Въ трагическіе дни осады Антверпена она была возлѣ него такъ же, какъ и на побережьи Фландріи, во время самыхъ жестокихъ сраженій. Она осталась на своемъ посту жены и друга. По внѣшности она хрупкая и слабая; но какая пламенная, безмолвная и безстрашная душа живетъ въ этомъ нѣжномъ тѣлѣ.

За часъ до ея отъѣзда изъ Брюсселя въ Антверпенъ, я имѣлъ честь быть ею принятымъ. Ея дворецъ, въ который черезъ три дня непріятель вошелъ побѣдителемъ,—былъ превращенъ въ лазаретъ; она хотѣла въ послѣдній разъ посѣтить своихъ раненыхъ солдатъ. Она была невозмутимо спокойна; она не вымолвила ни одной унизительной жалобы. Послѣ этого послѣдняго торжественнаго посѣщенія, она ушла навстрѣчу неизвѣстности, во всеоружіи своей вѣры.

Будущее отнесется къ такому королю и такой королевѣ привѣтливо и радушно. Напрасно темные

тевтонскіе историки будутъ отрицать красоту ихъ славы и дѣяній; единодушное уваженіе и восхищеніе бельгійскаго народа переживутъ столѣтія. За нихъ говорятъ молодость, ясность, страданіе, смѣлость и непобѣдимость ихъ души, и особенно ихъ лойяльность. Человѣкъ, который оказался способнымъ среди всѣхъ этихъ компромиссовъ, торгашества, полупредательства и полу-вѣрности, допускаемыхъ и поощряемыхъ политическими партіями, дипломатами и европейскими Дворами,—найти въ себѣ силу остаться яснымъ, цѣльнымъ и честнымъ, въ то время, когда все склоняло его къ уклоненію отъ простого и основного долга,—этотъ человѣкъ навѣки завоевалъ себѣ мѣсто не только въ исторіи, но и въ легендѣ. И за собою онъ увлекъ также подругу своей жизни, которая, подобно ему, была счастлива остаться лойяльной. И потому эта королева и этотъ король отнынѣ уже предназначены тѣмъ поэмамъ и тѣмъ вѣнкамъ, которые воспѣваетъ, создаетъ, сплетаетъ и присуждаетъ лишь одно искусство.

ГЕРМАНІЯ, НЕПОДДАЮЩАЯСЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ.

Жизнь не есть средство; жизнь есть цѣль. Это надо понять, чтобы жить полной жизнью. Отсюда—обязательство совершенствовать жизнь, дѣлать ее прекрасной и возвышенной, создать изъ нея chef d'oeuvre. Отсюда—презрѣніе и ненависть ко всѣмъ тѣмъ, кто хочетъ омрачить ее въ мысляхъ или дѣйствіяхъ.

Германія идетъ противъ этой драгоцѣнной жизни. И если существуетъ германская культура, то германской цивилизаціи—нѣтъ.

Духъ общественности, гордости, свободы не связанъ ни съ умомъ, ни со знаніемъ. Нѣмецкій ученый—это ходячая библіотека. Онъ собираетъ, классифицируетъ и комментируетъ. Порядокъ и дисциплина замѣняютъ ему творчество и незамѣтно прививаютъ духъ зависимости и рабской точности. Быть можетъ, именно эта привычка все и всегда классифицировать развиваетъ въ немъ духъ рабской подчиненности. Все связывается у него съ восходящей или нисходящей градаціей; все превращается въ клѣтку, въ отдѣленіе. Что же удивительнаго, если все у него

такимъ образомъ матеріализируется, и если интеллектъ каждаго германца стремится лишь къ тому, чтобы стать однимъ изъ неподвижныхъ, мертвыхъ клѣтокъ общественной шахматной доски.

Уже давно сказано, что нѣмецъ почти ничего не изобрѣтаетъ самъ и лишь разрабатываетъ чужія открытія. Чтобы изобрѣсти самому, нуженъ духъ протеста противъ существующаго. Въ нѣмцѣ его быть не можетъ:—онъ существо, всегда покоряющееся.

Но какъ только появляется какое-нибудь новое открытіе, онъ сейчасъ же прибираетъ его къ своимъ рукамъ и внимательно его разсматриваетъ, изслѣдуетъ и сто разъ переворачиваетъ на всѣ стороны; ему удается такимъ образомъ увеличить его силу; затѣмъ онъ стремится къ тому, чтобы эта сила не пропадала даромъ, чтобы она чему-нибудь служила, чтобы она попала на свое мѣсто въ ея практическомъ примѣненіи,—подобно тому какъ и онъ самъ служитъ и классифицированъ въ жизни.

Нѣмцы не открыли въ наукѣ ни одного изъ великихъ путей; они пролагали лишь боковыя дорожки. Лейбницъ и Кантъ пристроились къ царственной дорогѣ Декарта; Геккель не существовалъ бы, не будь Дарвина; Кохъ и Бёрингъ опираются на работы Пастёра.

Эта производная, второразрядная наука прекрасно подходитъ для привлеченія посредственныхъ людей. Каждый работаетъ въ своемъ уголку надъ разрѣшеніемъ какой-нибудь маленькой задачи и воображаетъ, что играетъ большую роль; это льститъ его мелкому тщеславію. Благодаря нѣмецкому пониманію серьезности и учености, всѣ маленькіе провин-

ціальные университеты создаютъ себѣ иллюзію, что они переполнены учеными. Создается тихое затворничество въ лабораторіяхъ-казармахъ и полное отрицаніе всякой иниціативы, всякой самостоятельности, а больше всего—всякаго духа протеста и возмущенія. Будь нѣмецкій народъ истинно цивилизованнымъ, онъ бы не могъ молчать при видѣ разгрома Бельгіи. Больше того: даже изъ среды тѣхъ, кто, по убѣжденію, враждебенъ современному политическому строю, не раздалось ни одного голоса протеста противъ этого преступленія, допущеннаго и провозглашеннаго въ началѣ войны передъ лицомъ всего парламента канцлеромъ Бетманъ-Гольвегомъ. Это молчаніе вызвало всеобщее и настолько сильное удивленіе, что міръ еще и до сихъ поръ не можетъ отъ него очнуться. Кромѣ Либкнехта, вся нѣмецкая соціалъ-демократія опозорилась; ее хотятъ выбросить изъ лона Интернаціонала. Она оправдывается, но этимъ еще болѣе усугубляетъ свою вину. Она говоритъ:

— Насъ бы арестовали и посадили въ тюрьму.

Ей отвѣчаютъ:

— Значитъ—вы боитесь страданій?

Въ нѣмецкой соціалъ-демократіи все было организовано такъ же строго и методично, какъ и въ ихъ университетахъ и въ ихъ арміи. За партіей стояла масса избирателей; ее уже считали непобѣдимой и говорили:

— Соціалъ-демократія—это и есть Германія. Она должна служить примѣромъ для демократій всего міра.

Тѣ, для которыхъ свѣтъ былъ въ ней одной, утвер-

ждали, что въ свое время, когда это понадобится, она разгромитъ имперіализмъ. Въ августѣ прошлаго года, въ рейхстагѣ, въ одинъ часъ, разгромленной оказалась соціалъ-демократическая партія.

При недавнемъ посѣщеніи брюссельскаго Народнаго Дома, нѣкоторые нѣмецкіе соціалисты высказывали свое удивленіе, что бельгійцы придаютъ такое большое значеніе захвату ихъ территоріи.

— Что связываетъ васъ съ вашей родиной?— спрашивали они.

— Честь,—отвѣчали имъ.

— Честь! Честь! Это чисто буржуазный идеалъ,— возражали нѣмцы.

А между тѣмъ, устои истинной цивилизаціи, именно, заключаются въ ея чести.

Честь—идеалъ не буржуазный, а аристократическій. Она создавалась медленно вѣками, избранниками человѣчества. Когда сила себя воспитываетъ,— она себя обуздываетъ и ограничиваетъ; она становится разумной и тактичной; такимъ путемъ грубая сила превращается въ моральную: сила становится правомъ.

Чѣмъ больше нація поддается такому измѣненію, тѣмъ выше она поднимается изъ области матеріальной въ область духовную, чѣмъ прочнѣе она устанавливаетъ въ своихъ учрежденіяхъ уваженіе къ человѣческой личности въ ея цѣломъ, тѣмъ болѣе она цивилизуется и возвышается. Такая нація всегда вѣрна своему слову; ни выгода, ни даже необходимость не вынудятъ ее къ измѣнѣ; она стремится покровительствовать болѣе слабымъ, а не уничтожать ихъ; она заботится о распространеніи въ мірѣ тѣхъ

принциповъ общественной жизни, которые надо всегда помнить, имѣть въ душѣ, несмотря на ихъ утопичность,—чтобы жить не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ.

Къ этимъ высокимъ принципамъ, никогда не примѣняемымъ въ цѣломъ, надо все же всегда стараться приблизиться, потому что въ нихъ самое глубокое выраженіе человѣческаго великодушія. Они—полное отрицаніе грубой, примитивной силы; они оріентируютъ человѣчество въ сторону всеобщаго безмятежнаго мира; они допускаютъ безграничное совершенствованіе человѣческаго сознанія. Только нація съ высокой степенью цивилизаціи способна постигнуть такую совершенную форму отношеній между людьми и мечтать о столь высокомъ идеалѣ. Германія никогда не была на это способна, потому что нѣмецъ—наименѣе гибкое и наименѣе поддающееся совершенствованію существо въ мірѣ.

Не разъ мнѣ приходилось присутствовать въ разныхъ столицахъ Европы на многочисленныхъ собраніяхъ, гдѣ встрѣчались и бесѣдовали другъ съ другомъ англичане, французы, итальянцы, русскіе, нѣмцы. Меня увѣряли, что это были все самые лучшіе, избранные люди, и что ихъ націи могли ими гордиться. И вотъ, на этихъ собраніяхъ нѣмцы рѣдко занимали почетное мѣсто. Они какъ-то одновременно и конфузились, и были спесивы; ихъ культурность была поверхностной; они какъ-будто боялись не быть въ курсѣ рѣшительно всѣхъ вопросовъ; самое крайнее и эксцентричное казалось имъ наилучшимъ; они утверждали, что для того, чтобы быть на высотѣ современности, необходимо дойти

до послѣдняго слова всего самаго новѣйшаго. И они почувствовали бы сильное огорченіе, если бы въ ихъ присутствіи кто-нибудь оказался еще болѣе современнымъ, чѣмъ они.

Какъ только имъ давали слово и ихъ слушали, они сейчасъ же начинали читать цѣлыя лекціи. Они никогда не гнались за ясностью. Стремленіе къ тонкости и эластичности, которыя побуждаютъ другихъ искать совершенства формы въ выраженіи мыслей,—ихъ не привлекало.

А съ какой тяжеловѣстностью ведетъ свою игру нѣмецкій дипломатъ! Съ какой косолапостью внѣдряется въ покоренную страну нѣмецкій завоеватель!

Въ то время какъ Франція въ полстолѣтіе заставила себя полюбить въ Савойѣ, въ Ментонѣ, въ Ниццѣ, а въ два вѣка ассимилировала Лиль и Дюнкеркъ, Страсбургъ и Эльзасъ; въ то время какъ Англія въ нѣсколько десятковъ лѣтъ привязала къ себѣ Египетъ и Капландію,—Германія остается всюду,—въ Польшѣ, въ Шлезвигѣ, въ Эльзасъ-Лотарингіи,—націей, которую ненавидятъ. Вездѣ, куда бы она ни появилась, она—persona ingrata. Она не умѣетъ объединять, она только разъединяетъ. Ея воззванія дѣйствуютъ на людей, какъ морозъ на растенія. Она не обладаетъ даромъ привлекать, покорять сердца, цивилизовать, потому что въ ней нѣтъ присущей ей лично духовной силы. Подъ духовной гегемоніей Аѳинъ, Рима и Парижа, Европа осталась центромъ изумительнаго развитія человѣчества. Подъ гегемоніей Германіи, она бы пришла къ мрачной, застывшей организаціи, гдѣ все считалось бы безошибоч-

нымъ и безупречнымъ лишь потому, что все было бы подъ властью высшей тираніи.

Истинная Германія,—мы теперь въ этомъ непоколебимо и съ грустью убѣдились,—только случайно была страною Гёте, Бетховена, Гейне. Зато она всегда была страною безжалостныхъ ландграфовъ и кровожадныхъ ландскнехтовъ. Тысячелѣтія она бросала на Европу свои орды и продолжаетъ это и въ наши дни; въ этомъ ея роковое и страшное назначеніе. Но мы уже не повторимъ своей ошибки въ будущемъ: Германія—страна опасная, потому что она не способна къ цивилизаціи, потому что ея замки, ея деревни, ея казармы—остаются еще неисчерпанными и, можетъ быть, и неисчерпаемыми источниками человѣческой жестокости.

ГЕРМАНІЯ И ИСКУССТВО.

Необходимое условіе жизни народовъ заключается въ томъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не жилъ, упорно замкнувшись въ свое высокомѣріе, только для себя самого; между тѣмъ Германія стремится, именно къ тому, чтобы ея жизнь поглотила все остальное. Она провозглашаетъ себя верховной націей, ни передъ кѣмъ не отвѣтственной за злоупотребленіе своей силой. Она считаетъ себя созданной для того, чтобы думать, чувствовать и дѣйствовать за всѣхъ другихъ. Она заявляетъ притязаніе опредѣлять, что дозволено и что недозволено, присваивая себѣ такимъ образомъ на землѣ роль не только судьбы, но и Бога.

Она легко убѣдила себя, что матеріальное завоеваніе сливается съ моральнымъ, и что властвовать значитъ также и плѣнять. Свою дисциплину, точнѣе—свою тиранію, она считаетъ необходимымъ условіемъ всякой будущей организаціи. Ни на одну секунду она не спрашиваетъ себя: не кроется ли во всеобщемъ іерархическомъ подчиненіи, которое предполагаетъ эта дисциплина и эта тиранія, наибольшее препятствіе къ принятію ея гегемоніи. Такимъ

образомъ тотъ путь къ власти, который она считаетъ наиболѣе пригоднымъ, оказывается, какъ разъ, наименѣе дѣйствительнымъ, и то, въ чемъ она видитъ свою самую надежную силу, несомнѣнно скрываетъ въ себѣ ея наиболѣе слабое мѣсто.

Чтобы утвердить и навязать свое главенство, Германія, разумѣется, не задумается, посколько это будетъ въ ея власти, умалить самобытность другихъ націй. Она будетъ бороться противъ расцвѣта ихъ способностей и контрастовъ, противъ основной оригинальности человѣческихъ группъ и противъ ихъ различнаго пониманія прогресса, порядка и счастья. Слѣдовательно, даже помимо своей воли, она будетъ бороться противъ всякаго личнаго и оригинальнаго пониманія красоты. А въ такомъ случаѣ и искусство,—развѣ не обречено въ свою очередь стать также ея жертвой и добычей?.. Она будетъ оспаривать и опровергать все то, что не создано ею, потому что ея безумная гордость приведетъ ее къ убѣжденію, что такъ надо. Она посягнетъ даже на прошлое и пренебрежетъ любымъ свидѣтельствомъ,—будь оно изъ камня или изъ бронзы, если оно будетъ въ противорѣчіи съ ея собственной эстетикой, разумѣется, самой наисовершенной. Реймсъ и его соборъ, прекрасный, какъ день и ночь, уже уничтожены. Ипръ и его крытый рынокъ, подобный чудному ковчегу, превращены въ развалины. Уже погибли церковь Св. Петра и библіотека въ Лувенѣ, а также Бегинскій монастырь въ Термондѣ. И тѣмъ, кто этимъ возмущается, Германія отвѣчаетъ: «Я съ успѣхомъ замѣню всѣ эти старые памятники новыми, лучшими, въ моемъ вкусѣ».

Будучи педагогична, она считаетъ себя во всемъ непогрѣшимой и поэтому стремится къ тому, чтобы ея величіе было изваяно исключительно ея собственными руками. Высокія качества, присущія тому или другому отдѣльному народу или отдѣльной личности, благодаря утонченности ихъ расы или ихъ личному генію,—будутъ имѣть возможность проявляться не иначе, какъ видоизмѣненныя, сообразно тевтонскимъ правиламъ и законамъ. Иронія попадетъ подъ строгій надзоръ, умъ будетъ закованъ въ цѣпи, а непосредственное и вольное вдохновеніе будутъ упразднены. Ритмъ параднаго «гусинаго» шага будетъ доминировать надъ всѣми другими ритмами: онъ будетъ отбивать свой тактъ даже въ поэзіи. Настанетъ конецъ самобытнаго искусства, останется лишь одно искусство—острое, твердое и блестящее, какъ лезвіе сабли.

Міръ, конечно, приходитъ въ ужасъ передъ этимъ страшнымъ искусствомъ. Онъ съ трудомъ себѣ его представляетъ. До сихъ поръ въ исторіи понятіе о красотѣ непрерывно развивалось; ея единство заключалось въ разнообразіи; она процвѣтала въ избранныхъ странахъ то одновременно, то поочередно. Италія, Фландрія и Францiя были въ этомъ отношеніи особенно привилегированными; но ни одна изъ нихъ никогда не стремилась задавить другія страны своимъ временнымъ превосходствомъ. Напротивъ, ихъ вліяніе всегда было взаимнымъ, мирнымъ и самымъ плодотворнымъ. И въ то время, какъ въ XV и XVI столѣтіяхъ Италія вызывала удивленіе всего міра своими Фра Анжелико, Веррокіо, Ботичелли, Мазаччіо,—Фландрія выставляла въ свою

очередь такихъ художниковъ, какъ Ванъ-Эйкъ, Ванъ-деръ-Госъ, Мемлингъ, Жюстъ-де-Ганъ, Жераръ Давидъ, Ванъ-деръ-Вейденъ.

Позднѣе именамъ Караша, Рэни, Доминикена, Альбана, Бароша, Караваша, Бернена соотвѣтствуютъ имена Рубенса, Ванъ-Дейка, Зегерса, Корнейль-де-Фоса, Крайера, Жорданса, Тенирса. Въ Испаніи—Веласкезъ, Херрера, Рибейра, Зурбаранъ, Мурильо; въ Голландіи—Рембрандтъ, Вермэръ, Рюисдель, Хобема, Фабриціусъ, Стинъ, Халсъ, Пьетеръ де-Хогъ; во Франціи—Пуссенъ, Клодъ Лоренъ, Дюгэ, Лесьеръ и Кало,—распространяли на всю Европу сіяніе, исходившее изъ Фландріи и Италіи.

Смотря по характеру страны, искусство становилось то романтическимъ или реалистическимъ, то аскетическимъ или чувственнымъ. Оно цвѣло самыми разнообразными цвѣтами, которые сплетались въ чудные вѣнки и гирлянды, украшавшіе XV и XVI столѣтія.

Никогда еще столь страстныя стремленія къ прекрасному не вдохновляли современныхъ народовъ какъ теперь: античный міръ казался вновь обрѣтеннымъ,—если даже не превзойденнымъ.

И это сіяніе, даже при наличности хотя бы цѣлой плеяды блестящихъ геніевъ, стало бы невозможнымъ, если бы Германія побѣдила. Она систематически и докторально стала бы отрицать тонкую связь, существующую между художникомъ и его свободной, живой средой, его сильной гордой расой—истиннымъ источникомъ его глубокой и таинственной силы. Ея стремленіе всюду управлять, властвовать, все милитаризировать, надломило бы творчество. Художники

должны бы были работать по схемамъ Мюнхена и Берлина; и если бы они не согласились слѣпо слѣдовать за всѣми предписаніями нѣмецкой тираніи, то имъ, съ неумолимой логикой, какъ дважды два четыре, доказывалось бы, что всѣ произведенія ихъ творчества плохи и безобразны.

Медленно, десятилѣтіе за десятилѣтіемъ, намѣчалось общеевропейское искусство; движеніе это было отчасти безсознательно. Художники мало-по-малу отступали отъ личныхъ идеаловъ, по крайней мѣрѣ, отъ того, что въ нихъ было слишкомъ узкаго и исключительнаго. Стремясь къ гуманизаціи своихъ чувствъ и мыслей, они, однако, не утрачивали отпечатка своей оригинальности; они оставались вѣрными своей расѣ, хотя и шли дальше ея средняго уровня, и никто изъ нихъ не подвергался ни малѣйшему насилію.

Германія ополчилась противъ этого перваго полета общеевропейскаго искусства. Оно расцвѣтало свободно: Германія хочетъ его пригнуть и искривить; насилуя его, она его убиваетъ.

Какъ слѣдствіе, послѣ войны неминуемо должна вновь наступить эра національнаго и даже націоналистическаго искусства. Побѣдивши Германію, каждый еще больше полюбитъ тотъ уголокъ земли, который онъ могъ потерять. Наступитъ возвратъ къ народному пониманію живописи и литературы, и въ каждой странѣ возродятся, какъ въ былыя времена, разнородныя школы.

Германія, какъ это уже было послѣ Іены, сосредоточится и уйдетъ въ себя; потерявъ свои иллюзіи, она соберетъ оставшіяся силы для молчаливой и

угрюмой работы. И, быть можетъ, искусство, которое не было благосклонно къ нѣмцамъ въ пору ихъ безумной гордости, наконецъ снизойдетъ къ нимъ въ несчастіи.

Силы народовъ похожи на почвенные слои: обнаруживаются то болѣе глубокіе, то средніе, то верхніе. Весьмо возможно, что слои, давшіе Германіи Гёте и Шиллера, вновь будутъ разрабатываться, а слои, давшіе Мольтке и Бисмарка, будутъ временно заброшены.

Мы желаемъ расцвѣта германскаго искусства, вопервыхъ, во имя вселенской красоты и общечеловѣческаго честолюбія, а затѣмъ ради того, чтобы этотъ расцвѣтъ искусства прикрылъ тысячи совершенныхъ преступленій, какъ цвѣты прикрываютъ кости мертвецовъ. Германія нашихъ дней обезчестила человѣческую дѣятельность—своими способами вести войну, и человѣческую мысль—своимъ пониманіемъ науки. Ей остается искусство для искупленія содѣяннаго ею зла.

Тѣ, которые говорятъ объ уничтоженіи Германіи, не знаютъ, что стереть съ лица земли еще молодую націю невозможно. Уничтожить можно только старые, вырождающіеся народы.

Но необходимо быть всегда настороже и защищаться отъ Германіи; необходимо, чтобы Франція и Англія покорились необходимости жить въ атмосферѣ постояннаго недовѣрія. Отнынѣ придется примириться съ напряженной и суровой жизнью, подобно натянутой тетивѣ воинственнаго лука, со стрѣлою вѣчно наготовѣ. Тевтонскимъ стремленіямъ, каждый разъ, когда они будутъ переходить извѣстную границу, долженъ будетъ ставиться предѣлъ. Какъ я это уже

сказалъ выше, не надо дѣлать попытокъ уничтожить Германію; но если это понадобится, ее слѣдуетъ урѣзать, укоротить, искалѣчить, какъ искалѣченъ ея императоръ.

ГЕРМАНСКАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ.

Нельзя себѣ представить ничего болѣе дерзкаго и циничнаго, нежели утвержденія нѣмцевъ. Германцы крайне неловки въ области живого и гибкаго слова; ясное и тонкое мышленіе—тоже не ихъ область. И единственно, что̀ имъ остается,—это грубость, какъ въ словахъ, въ спорѣ, такъ и въ поступкахъ; а духовная грубость это и есть ни что иное, какъ голословное утвержденіе.

Императоръ утверждаетъ: «Богъ за насъ! Я—Его проявленіе и Его орудіе. Его слава—моя слава. Моя побѣда будетъ Его побѣдой».

И въ доказательство онъ ссылается ни больше ни меньше, какъ на свои сны и видѣнія. Точно такъ же поступаютъ сумасшедшіе.

Нѣмецкій географъ провозглашаетъ: «Отъ Балтійскаго моря и до Сѣвернаго, отъ Риги и до Булони, на всемъ пространствѣ Германіи, Шампани, Бургундіи и Бельгіи живутъ народы германской расы, а поэтому вся сѣверная Европа должна принадлежать намъ». Утвержденіе отъ начала до конца ложное. Сѣверную Европу населяютъ разные народы. Одни

происходятъ отъ галловъ, другіе, какъ валлонцы, римскаго или латинскаго происхожденія.

Нѣмецкій ученый, профессоръ химіи Оствальдъ, пишетъ: «Нѣмецкая цивилизація—первая въ мірѣ; она вышла изъ періода индивидуализма и вступила въ періодъ организованности. Изъ нашихъ враговъ, русскіе находятся еще въ періодѣ орды, а французы и англичане едва достигли той ступени развитія, которую мы прошли уже пятьдесятъ лѣтъ назадъ».

Между тѣмъ въ средніе вѣка католическая церковь распространяла во всей Европѣ именно такую самую форму организаціи и цивилизаціи. Строго іерархическія епархіи, въ которыхъ каждый былъ одновременно господиномъ и слугой, въ которыхъ отъ епископа до младшаго священника, и отъ священника до послѣдняго прихожанина, царило полное послушаніе въ поступкахъ, словахъ и мысляхъ,—является точнымъ изображеніемъ той организованной по восходящимъ и нисходящимъ ступенямъ силы, которую проповѣдуетъ Германія. Тогда царила каста духовенства, какъ теперь царитъ каста военная. Доступъ къ высокимъ должностямъ былъ немыслимъ безъ дворянскаго титула. Больше того: мѣщанскія гильдіи подражали этой опасной дисциплинѣ, уже въ XIII вѣкѣ вводя ее въ область искусства, торговли и промышленности. Уже тогда отдѣльная личность не имѣла никакой цѣны. Всякая иниціатива, шедшая снизу, казалась подозрительной. Общество душило личность; организмъ давилъ на мозгъ.

Цивилизація является результатомъ извѣстной комбинаціи одновременно свободы и дисциплины. Пол-

ная свобода ведетъ къ анархіи; чрезмѣрное обуздываніе ведетъ къ угнетенію. Германская организація представляетъ изъ себя чудовищное орудіе, благодаря которому вся раса дисциплинирована до полнаго порабощенія. Гордости, уваженія къ личности не существуетъ. Пресса на цѣпи. Философскія ученія и научныя работы подчинены приказу. Кто не гнется въ дугу, того императоръ ломаетъ.

Если бы организація, проповѣдуемая профессоромъ химіи Оствальдомъ, получила всеобщее распространеніе, то нѣмецкая догма, совершенно такъ же, какъ догма католическая, обрекла бы человѣческій духъ всѣмъ ужасамъ истинной пытки. Въ сущности, между этими двумя доктринами лишь та разница, что одна изъ нихъ духовная, а другая — свѣтская. Обѣ онѣ стремятся къ власти тѣми же путями; обѣ мнятъ себя высшими и единственными. Римская церковь провозглашаетъ себя—лучшей изъ всѣхъ церквей. Нѣмецкое государство провозглашаетъ себя первымъ изъ всѣхъ государствъ. Они слѣпо вѣрятъ въ свое могущество и не останавливаются ни передъ какою жертвою, чтобы его поддерживать. У нихъ есть свои апостолы и свои мученики. Для нихъ людская жизнь и смерть только средство достиженія всемогущества. Нѣмецъ, натурализируясь въ Англіи и Франціи, не теряетъ своей первоначальной національности; ея печать остается такой же неизгладимой, какъ католическое крещеніе или постриженіе. Организація церкви была всегда деспотичной; организація Германіи приняла это направленіе преимущественно за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ.

И вотъ, совершенно такъ же, какъ церковь въ XV и

XVI вѣкахъ, она находитъ особое наслажденіе въ кровавыхъ ужасахъ и безуміи. Она убиваетъ, грабитъ, поджигаетъ. Она—страхъ людской; церковь была страхомъ Божьимъ. И такова ужъ иронія судьбы, что двѣ схожія силы почти всегда борятся другъ противъ друга; такъ случилось и съ нѣмцами: тевтонская ярость обрушилась на Лувенъ, Малинъ и Реймсъ. Тамъ, безъ малѣйшаго колебанія и жалости, были убиты десятки священниковъ и разрушено множество церквей.

Больше того: въ то самое время, какъ Вильгельмъ II ухаживалъ за папой, онъ признавался своей невѣсткѣ, перешедшей противъ его желанія въ католичество, что католичество—это врагъ, противъ котораго необходимо всѣми силами бороться. Онъ его искренно ненавидитъ; уничтожить католицизмъ—это цѣль его жизни, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему, пока-что, заимствовать у католицизма его грозную дисциплину и безумную смѣлость дешевыхъ голословныхъ утвержденій.

Дѣло религій утверждать, а не доказывать; религіи основаны на вѣрѣ и остаются вполнѣ въ своей роли, игнорируя мысль и разумъ.

Совершенно въ другомъ положеніи находится государство; а между тѣмъ Германія требуетъ именно того, чтобы въ нее вѣрили, какъ въ какое-то земное божество. Она не допускаетъ отрицанія непогрѣшимости ея культуры; она запрещаетъ какое бы то ни было сомнѣніе въ высокой цѣнности ея ни съ чѣмъ несравнимаго могущества. Такимъ образомъ она переноситъ цѣлую систему убѣжденія и вѣры изъ области духовной въ область свѣтскую.

Такіе, такъ сказать, примитивные способы воздѣйствія на простыхъ людей, разумѣется, оказываютъ свое вліяніе. При постоянномъ повтореніи однѣхъ и тѣхъ же якобы истинъ, въ концѣ-концовъ онѣ и воспринимаются. Нѣмецкій народъ одураченъ его прусскими воспитателями; онъ вѣритъ имъ на слово, ибо эти же самые прусскіе воспитатели лишили его всякой способности самостоятельнаго пониманія и критики; они потянули его назадъ къ прошлому, къ военному деспотизму и феодализму; они навязали ему идеалы не Гейне или Шиллера, а профессора химіи Оствальда, который, очевидно, думаетъ, что народъ долженъ смотрѣть на свои неизбѣжные періоды подъема и реакціи, какъ на какіе-то химическіе осадки на днѣ реторты. Такимъ образомъ непосредственная и несокрушимая сила была бы сразу уничтожена, и Германія царила бы надъ мыслью, посаженной на цѣпь и какъ бы мертвой.

Если бы Европа согласилась на такое убіеніе своей свободы, это было бы величайшимъ изъ преступленій нашего времени. Европа являетъ міру дивное разнообразіе цивилизацій, и каждый народъ вплетаетъ въ этотъ вѣнокъ цвѣты своего генія. Германская мощь, стремясь обезличить, уменьшить или совсѣмъ раздавить силы французскія, англійскія, итальянскія, русскія, бельгійскія и испанскія, хотѣла убить въ будущемъ цѣлый циклъ мыслей, чувствъ и дѣйствій, которыхъ она, конечно, не въ состояніи была бы создать сама. Эти разнородныя мысли, чувства и дѣйствія постоянно превращаются въ подвиги и въ произведенія искусства. Они—честь и слава всего Запада. Тевтонскій духъ за послѣднія пятьдесятъ

лѣтъ сталъ силой нападающей и задерживающей; и если кого нужно обуздать, то это его, а не насъ. Не ему быть властелиномъ; онъ не вдохновляетъ, а угнетаетъ; онъ—постоянная угроза и опасность; онъ ослабляетъ человѣческое творчество; онъ работаетъ надъ приниженіемъ міра.

АЗІАТСКАЯ ГЕРМАНІЯ.

Въ XVI вѣкѣ жестокая и фанатичная Испанія казалась кускомъ Африки, приклеенным къ странамъ Запада. Она находилась подъ игомъ мавровъ, которые подчинили ее своему грубому пониманію власти и силы. Мавры вторглись и во Францію, но ихъ оттуда скоро изгнали. Они осѣли по ту сторону Пиринеевъ, между горными хребтами Кастильи; Кордова и Гренада сдѣлались ихъ крѣпостями и ихъ владѣніями.

Въ царствованіе Елизаветы-Католички Испанія освободилась, но слѣды мавританскаго владычества оказались настолько глубокими, что христіанство привилось къ ней такъ же слабо, какъ исламъ въ Африкѣ. Подобно Магомету, Испанія навязывала свою вѣру огнемъ и мечомъ. У нея были свои воинственные апостолы, какъ напр., герцогъ д'Альба; она обладала также грознымъ войскомъ; Антверпенъ и Фландрія испытали ихъ нашествіе. Она стремилась къ организованному террору и совершала массовыя избіенія; она шпіонила, доносила, пытала; она воспитывала въ душѣ каждаго солдата жестокость.

Подобно тому, какъ Испанія XVI вѣка была про-

никнута духомъ Африки, такъ же точно Германія XX вѣка вдохновляется духомъ Азіи.

Какъ я это отмѣтилъ выше, ея доведенная до мелочей всепроникающая строгая организація срисована съ римско-католической; однако духъ, который ее вдохновляетъ и который руководитъ этой организаціей, является менѣе всего христіанскимъ; это духъ семитическій.

Германія это знаетъ, но ей не хочется въ этомъ признаться. Она, напротивъ, настойчиво старается доказать, что изъ всѣхъ арійскихъ народовъ въ наиболѣе чистомъ видѣ раса сохранилась именно въ Германіи.

Но вотъ факты.

Нигдѣ семиты не устроились болѣе прочно, чѣмъ въ Германіи. Почти всѣ ихъ фамиліи—нѣмецкія. Фамиліи эти можно сейчасъ встрѣтить во всѣхъ частяхъ свѣта. Послѣ уничтоженія гэтто, евреи направили свои усилія на развитіе свободныхъ городовъ: Любека, Гамбурга, Бремена. Франкфуртъ превратился въ родъ западнаго Іерусалима: Вездѣ они создавали богатство. Ихъ могущество было такъ сильно, что не нуждалось въ показномъ тщеславіи; оно было прочно, дѣятельно и дѣлало свое дѣло безъ шума.

Когда, послѣ 1870-го года, Германія взялась за развитіе своей торговли и промышленности, семиты сейчасъ же научили ее, какъ нужно браться за коммерцію и какъ надо вести дѣла; они показали себя прекрасными учителями, лучшими въ мірѣ. Во главѣ большихъ магазиновъ, пароходныхъ компаній, электрическихъ обществъ—оказались богатые евреи. Иногда они предпочитаютъ имѣть подъ своимъ контролемъ,

директорами разныхъ предпріятій, настоящихъ нѣмцевъ, и тогда они отступаютъ на задній планъ. Въ концѣ-концовъ они добиваются того, что становятся близко къ императору, который выбираетъ изъ ихъ среды своихъ негласныхъ совѣтниковъ. И даже само помѣстное дворянство, привлеченное надеждой быстрой наживы, поручаетъ имъ свои капиталы и осуществленіе своихъ проектовъ; происходитъ тѣсное сплоченіе между ними и ихъ бывшими ростовщиками.

Еврейскій духъ—мы это говоримъ отнюдь не для порицанія, а исключительно только для того, чтобы отмѣтить его побѣдоносное вліяніе,—проникъ въ жизнь буржуазіи и аристократіи всѣхъ германскихъ государствъ—отъ Рейна до Одера и отъ Эльбы до Дуная. Особенно тѣсно слился онъ съ духомъ Пруссіи: множество точекъ соприкосновенія объединяетъ ихъ стремленія.

За исключеніемъ газетъ католическаго центра, всѣ большія ежедневныя газеты Вѣны, Франкфурта, Берлина находятся въ рукахъ евреевъ и процвѣтаютъ благодаря ихъ уму, способностямъ, ихъ волѣ и ихъ деньгамъ; газеты эти ведутся полно, разносторонне и смѣло; онѣ всегда и обо всемъ быстро освѣдомлены; отдѣлъ искусствъ ведется въ нихъ съ увлекательной силой; ему отводится почетное мѣсто; его, повидимому, любятъ.

Правда, въ настоящее время, эта пресса стала ворчливой, пристрастной, лживой и одержимой маніей величія. Она временно подпала подъ вліяніе событій и среды, но до войны—среда и событія были подъ ея вліяніемъ.

День за днемъ она работала надъ метаморфозой ста-

рой Германіи; она проповѣдывала идею единства Германіи, и она же добилась согласія Баваріи, Саксоніи и Вюртемберга присоединиться къ единой Германіи.

Она привила практическія и реалистическія понятія народу, склонному къ мечтѣ и идеализму. Она направила на путь завоеваній и добычи; она вдохнула въ него неутомимую бдительность, безграничную любовь къ наживѣ, въ нужный моментъ смѣлость, неизсякаемое терпѣніе и непоколебимое упорство. Больше того: понятіе, что все подлежитъ обмѣну, куплѣ и продажѣ, что все регулируется спросомъ и предложеніемъ, что все—расчетъ и ничто не подлежитъ чувству,—понятія эти перешли мало-по-малу изъ еврейскаго міровоззрѣнія въ нѣмецкое и до того измѣнили жизнь и взгляды подданныхъ новой имперіи, что какой-нибудь Карлъ-Августъ ихъ бы, конечно, не узналъ. Германія стала страною сдѣлокъ; она опередила въ этой міровой борьбѣ старыя націи—Англію и Францію; отчасти она побѣдила даже Америку: многія важнѣйшія фирмы Нью-Іорка уже не чисто американскія.

Политическая и дипломатическая Германія, въ свою очередь, тоже пожелала пріобрѣсти тотъ увѣренный и смѣлый геній, который былъ привитъ ей другой расой въ области торговой. Въ ея глазахъ всѣ переговоры и взаимныя соглашенія между націями сводятся къ торгу. Правота дѣла, благородство соревнованія, коллективное сознаніе націй, сложившееся и окрѣпшее въ теченіе столѣтій, все это стало для нея пустыми словами и отжившими понятіями. Доводы по существу отнынѣ не должны играть никакой роли въ политикѣ правительствъ.

Теперь требуется все свести къ наступленію или отступленію, смотря по выгодности или невыгодности предложенія. Надо требовать и уступать, нападать и отступать; нужны обмѣнъ или сдѣлка. Даже въ тотъ моментъ, когда Германія бросила Бельгіи свой ультиматумъ, она еще торговалась съ нею. Она ни одну минуту не задумалась о духовной силѣ, которую эта нація таила въ своей душѣ; она говорила о выигрышѣ и проигрышѣ, какъ на биржѣ. И она искренно удивилась, когда Бельгія отказалась отъ ея предложеній. Тогда она разсердилась. И съ тѣхъ поръ—она все еще сердится.

Но сильнѣе всего азіатскій духъ Германіи проявился въ способахъ веденія войны. Арійская Европа, съ эпохи Среднихъ вѣковъ, подъ вліяніемъ христіанства, непрерывно гуманизировала свои варварскіе инстинкты. Она ввела въ битвы понятіе о чести. Она создала лучшій образъ солдата—образъ рыцаря. Она ввела такъ называемый «Божій миръ», пріостанавливавшій по указанію церкви войны между феодалами. Она осудила обманъ и измѣну. Въ эпоху Возрожденія извѣстный «рыцарь безъ страха и упрека» Байаръ былъ образцомъ прямоты и величія. Въ XVIII вѣкѣ, въ Фонтенуа, война становится учтивой и галантной. Въ эпоху Революціи и Имперіи—она дѣлается величественной.

Въ наши дни, благодаря Германіи, обманъ и измѣна дѣлаютъ войну безобразной и отвратительной. Слово, данное противнику, потеряло цѣну; его обѣщаніямъ не вѣрятъ, въ каждомъ его поступкѣ ищутъ обмана. Прямота и честь исчезли, надъ ними смѣются; понятія эти считаютъ упраздненными. Жестокость и звѣр-

ство вводятся въ систему. Жалости, состраданія больше не существуетъ. Раненые приканчиваются. Тѣхъ, кто падаетъ,—бросаютъ въ воду. Умирающихъ зарываютъ еще живыми въ землю. Плѣнныхъ—убиваютъ. Методъ Пруссіи напоминаетъ ассирійскіе барельефы, на которыхъ неумолимый Ассурбанипалъ руководитъ пыткой и полнымъ истребленіемъ своихъ побѣжденныхъ враговъ.

Грабежи, разгромы и поджоги входятъ въ военные приказы у азіатскихъ вавилонянъ,—также какъ теперь у европейскихъ германцевъ. Духъ обѣихъ имперій сотканъ изъ того же безумія и гордыни. Мы находимъ отраженіе этого духа въ старинныхъ документахъ, хранящихся въ Луврѣ и въ Британскомъ Музеѣ; этотъ же духъ сквозитъ и въ слѣдующемъ недавнемъ документѣ, опубликованномъ въ Gross-deutschland und Mitteleuropa um das Jahr 1950.

«Черезъ небольшое число лѣтъ мы увидимъ слѣдующее: флагъ Германіи будетъ развиваться надъ 86-ю милліонами нѣмцевъ, которые будутъ управлять территоріей, населенной 130-ю милліонами европейцевъ. На этой обширной территоріи лишь одни нѣмцы будутъ пользоваться политическими правами; одни нѣмцы будутъ имѣть право поступать во флотъ и армію; одни нѣмцы будутъ имѣть право пріобрѣтать землю. И они станутъ тогда націей повелителей, снисходительно разрѣшающихъ народамъ, находящимся подъ ихъ властью, исполненіе всѣхъ низшихъ работъ».

Этотъ текстъ могъ бы подписать любой тиранъ стараго Востока: Камбизъ, Артаксерксъ, Сеннахерибъ, Навуходоносоръ. Онъ обнаруживаетъ самый жестокій

и безчеловѣчный духъ, который когда-либо царилъ на землѣ. Онъ вновь гнетъ міръ подъ ярмо тираній и воскрешаетъ рабство. Съ тѣхъ поръ, какъ христіанская эпоха Рима измѣнила вселенную, никогда помыслы побѣдителя не достигали такого безумія власти и галлюцинаціи имперіализма. Народъ, способный на подобныя мечты, будитъ въ мірѣ всѣ тѣ львиные инстинкты, которые, казалось, уже были изгнанными навсегда. Онъ воплощаетъ въ глазахъ свѣтлой мудрости представленіе о чемъ-то поистинѣ чудовищномъ.

СОВРЕМЕННАЯ ДУША.

Мы установили, что Германіи удалось вдохнуть практическій и матеріалистическій духъ евреевъ въ ту строгую іерархическую организацію, образцомъ которой ей послужила Христіанская Церковь. Объединить эти двѣ силы, выдержавшія искусъ временъ и побѣдившія вѣка, было замысломъ очень удачнымъ, но дѣломъ чрезвычайно не легкимъ. Надо было ихъ воплотить одну въ другую; надо было въ католическое тѣло вдохнуть семитскую душу. Пруссія первая сдѣлала эту попытку, и ей не пришлось итти ощупью: ея грубый, продажный, казарменный духъ пришелъ ей на помощь.

Тогда, по примѣру Пруссіи, дѣло это, основанное на силѣ и ловкости, закипѣло по всей Германіи. Баварія и Австрія содѣйствовали ей безъ особой охоты. Имъ было тяжело отрѣшиться отъ усвоенныхъ религіозныхъ традицій доброты и жалости; имъ было тяжело забыть свѣтлыя, гуманныя идеи и опуститься до положенія государствъ, лишенныхъ вѣры и великодушія. Въ особенности Австріи трудно было отрѣшиться отъ своего прошлаго и забыть, что новый духъ Германіи проявилъ себя прежде всего именно противъ

 нея. Съ горечью вспоминала она про Садову; и все же она въ концѣ-концовъ уступила, потому что въ глубинѣ сознанія она чувствовала себя такою же хищнической расой.

Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ побѣда надъ Франціей дала Германіи превосходство въ Европѣ, Германія не переставала приводить Западъ въ изумленіе. Она говорила властно, и никто лучше ея не умѣлъ заставить повиноваться. Бисмаркъ отличался тѣмъ, что никогда не церемонился топтать своими грубыми сапожищами рѣшительно всѣ права и любые протесты. Его слова внушали страхъ; его окрики оставались безъ отвѣта: германскій орелъ не загораживалъ его своей тѣнью; напротивъ, Бисмаркъ освѣщалъ его блескомъ своего генія.

Онъ пересоздалъ цѣлый народъ. Онъ вооружилъ его смѣлостью и кипучей дѣятельностью; онъ вдохнулъ въ него свой собственный духъ быстрыхъ и порывистыхъ рѣшеній; онъ отклонилъ его отъ высшихъ запросовъ ума и толкнулъ на путь дѣятельности практической и современной; онъ былъ воспитателемъ страшнымъ, но могучимъ; онъ утверждалъ: «Нѣмцы не боятся никого, кромѣ Бога».

Послѣ того, какъ руководитель и вдохновитель Германіи попалъ въ опалу, а затѣмъ вскорѣ и умеръ, она почувствовала въ себѣ достаточныя силы, чтобы самой ковать свою судьбу. Она обладала школами и казармами: она захотѣла прибавить къ этому заводы и порты. Своему слишкомъ молодому императору она—почтительно—не довѣряла.

Работа закипѣла на всемъ протяженіи территоріи. По берегамъ Майна, Рейна, Одера и Эльбы выросли

фабрики; были прорыты каналы; желѣзнодорожныя рельсы протянулись вдоль и поперекъ водяныхъ путей сообщенія. По вечерамъ засверкали многочисленными огнями желѣзнодорожныя станціи. Всякій старый городъ сталъ украшаться новымъ кварталомъ; огромные магазины служили храмами лихорадочной дѣятельности. Предмѣстья городовъ вытягивались, какъ щупальцы, по направленію къ деревнямъ; старое солнце потускнѣло за потянувшимися полосами дыма. Германія пустила въ оборотъ зловредную, но желанную толпой дешевку, которая заполнила всѣ рынки; она отвѣчала на всѣ требованія, на всѣ самые разнообразные вкусы различныхъ народовъ, она не брезгала принимать и исполнять любые заказы, стекавшіеся къ ней со всѣхъ странъ свѣта. Когда-то европейская торговля властвовала: она предписывала своимъ дальнимъ кліентамъ то, что она изготовляла для Запада. Германія измѣнила этой системѣ: ея торговля стала раболѣпной, и расцвѣтъ этой торговли превзошелъ всѣ ея самыя смѣлыя ожиданія. Вскорѣ она стала желанной на ста различныхъ рынкахъ Азіи, Африки, Океаніи и Америки. Нѣмецкое золото звенѣло на биржахъ Сиднея, Нью-Іорка, Сингапура и Бомбея. Франкфуртскій биржевой маклеръ сталъ агентомъ тевтонской силы, а берлинскій комми-вояжеръ сдѣлался проповѣдникомъ—или шпіономъ—германской политики. Германія росла, и ея вліяніе крѣпло на всѣхъ континентахъ; а затѣмъ, мало-помалу, со свойственнымъ ей упорнымъ терпѣніемъ, она начала утверждаться и на морѣ.

При Бисмаркѣ нѣмецкій флотъ еще не существовалъ; колонизація заморскихъ странъ казалась ве-

ликому министру предпріятіемъ рискованнымъ и химеричнымъ. Его политика оставалась континентальной; это была политика трехъ имперій—Германской, Русской и Австрійской, неразрывно связанныхъ и желавшихъ властвовать надъ латинской Европой.

Однако, уже въ пору управленія Бисмарка, Гамбургъ началъ развиваться и пріобрѣтать перворазрядное значеніе; Бисмаркъ съ своей стороны способствовалъ этому всей силой своей власти; когда бывшій канцлеръ остался не у дѣлъ, онъ избралъ своимъ убѣжищемъ окрестности этого города; ему принадлежала одна изъ гамбургскихъ газетъ, и онъ разговаривалъ съ міромъ и съ императоромъ изъ глубины этого морского Патмоса, остерегаясь роли бунтовщика, но охотно претендуя быть противникомъ, къ совѣтамъ котораго иногда все же прислушиваются. Въ одинъ прекрасный день раздался голосъ: «Наше будущее—на морѣ». Это былъ рѣзкій голосъ императора Вильгельма II.

Германскіе виды на будущее еще болѣе расширились. Самая крупная нѣмецкая Морская Компанія, съ евреемъ Балэномъ во главѣ, пустила свои корабли во всѣ концы свѣта. Вскорѣ Бременъ и Любекъ присоединились къ Гамбургу. Nordeutscher Lloyd соединилъ свои силы съ Hamburg-America Line, хотя и продолжая конкурировать съ нею. Англія почувствовала себя задѣтой въ своемъ вѣковомъ превосходствѣ. Она прямо не вѣрила своимъ глазамъ при видѣ прекрасныхъ нѣмецкихъ пароходовъ, переплывающихъ океанъ быстрѣе и безопаснѣе ея собственныхъ. Съ этого дня стремленіе опередить и побѣдить другъ друга руководило дѣятельностью обѣихъ

націй. Въ этой борьбѣ казалось, что Англія опасалась за свою судьбу больше, чѣмъ Германія, тѣмъ болѣе, что Германія вдругъ стала увеличивать свой военный флотъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Успѣхи ея шли крупными скачками. Государственная казна ревностно поддерживала это движеніе. Страна была охвачена какою-то, можно сказать, дисциплинированною маніей, которая не давала возможности ни остановиться, ни даже хотя бы намѣтить себѣ извѣстные послѣдовательные этапы для замедленія этого лихорадочнаго стремленія.

Въ періодъ этого совершенно безпримѣрнаго расцвѣта Германіи, въ нѣмецкихъ университетахъ и въ арміи появились опасные теоретики, резюмировавшіе какъ бы въ новой Деклараціи Правъ Человѣка тотъ духъ, которому надлежало регулировать и руководить этотъ приливъ могущества, а слѣдовательно и гордыни. Это былъ кодексъ морали властелиновъ, который юные тевтонцы впитали въ себя уже со школьной скамьи. Тексты этого кодекса извѣстны: его редактировали Гобино, Оствальдъ, Бернарди, Трейчке, Лассонъ. Въ немъ сила разсматривается, какъ источникъ права. Въ немъ педантичная, жестокая, неумолимая дисциплина превозносится, какъ еще невѣдомое и высшее средство къ совершенствованію. Германская раса утверждаетъ, что она открыла эту новую мораль съ цѣлью поднять міръ на высшую ступень цивилизаціи. Лишь Германія обладаетъ тайной необходимаго принужденія. Понятія добра и зла находятъ новое, своеобразное толкованіе. Она устанавливаетъ цѣнности; необходимость—ея единственный законъ, которому все должно повиноваться.

Договоры, данное слово, обѣщанія, обязательства, гордость, честь, благородство, жалость, свобода, возмущеніе—все это старыя пѣсни. Германія держитъ въ своихъ рукахъ новое право, потому что она обладаетъ новой силой. Отсюда обязательство навязывать свои воззрѣнія и, во имя этихъ воззрѣній, быть всегда и противъ всѣхъ правой. Въ сведеніи счетовъ съ другими она считается только съ самой собой. Вотъ уже около двадцати лѣтъ какъ эта программа, совпадающая съ эксцессами тевтонской дѣятельности и мощи, опредѣлила ихъ страшное духовное значеніе. Германскій эгоизмъ сталъ чудовищнымъ; отнынѣ никому другому кромѣ Германіи нѣтъ на землѣ мѣста. И этотъ эгоизмъ уже не можетъ освободиться отъ самого себя, чтобы понять что-либо существующее внѣ его.

Нѣмецкому дипломату не хватаетъ ловкости и такта; нѣмецкому военному не хватаетъ осмотрительности и тактики; нѣмецкому народу не хватаетъ пониманія и разсудительности,—и это потому, что всѣ они не обладаютъ способностью схватывать различіе и противоположности. Нѣмцы совершенно не способны «войти въ чужую шкуру». Они жалуются, вдохновляются, страдаютъ или радуются по тѣмъ или инымъ поводамъ, и совершенно не способны понять, что ихъ сосѣди, точнѣе—ихъ враги, испытываютъ по тѣмъ же самымъ поводамъ совсѣмъ иныя чувства: то печаль, то подъемъ духа, то страданіе или радость. Имъ фатально недоступна всякая психологія.

Это ослѣпленіе самимъ собой, приводящее къ общей неспособности и коллективному безумію, нашло сво-

его представителя, или точнѣе—свой символъ, въ личности Вильгельма II. Императоръ этотъ одновременно облеченъ блескомъ и подточенъ безсиліемъ. Онъ таитъ въ себѣ ложную геніальность, которая необходима для врученной ему роли.

Бисмаркъ мѣсилъ своими руками живую, непокорную дѣйствительность и лѣпилъ ее по своей волѣ; Вильгельмъ II довольствуется фразами. Онъ играетъ словами, которыя обшиты золотыми галунами, какъ военныя фуражки; онъ думаетъ, что побѣда у него уже въ рукахъ, когда онъ ее предвидитъ или обѣщаетъ въ своихъ рѣчахъ. Отсюда его опасное нетерпѣніе. Когда, по его приказу, его войска въ самомъ жару битвы кричатъ русскимъ: «Дайте намъ Варшаву», или французамъ и бельгійцамъ: «Дайте намъ Калэ», онъ убѣжденъ, что внушеніе словомъ равняется подвигу саблей.

Въ одинъ прекрасный день, чтобы довести до крайней степени свое безуміе и безуміе своего народа, одержимаго маніей величія, онъ собралъ въ складки широкой пустой мантіи своего мистицизма всю спесь, всю жестокость и всю вражду, разлитыя кругомъ него. Его ученые и философы говорили все-таки во имя какой-то смутной человѣческой логики, между тѣмъ какъ онъ захотѣлъ лишь пророчествовать во имя безконтрольной мудрости. Этому Богу, котораго Бисмаркъ ставилъ выше себя и выше Германіи, Вильгельмъ указалъ мѣсто рядомъ съ собой. Онъ объявилъ Его своимъ приближеннымъ и соучастникомъ. Онъ приказалъ Ему быть отнынѣ на жалованьи у Германіи, у избраннаго народа, являющагося душой вселенной и мечомъ судьбы. Цари Израиля

и пророки говорили въ Іерусалимѣ шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ такъ же, какъ говорилъ онъ въ Потсдамѣ и Берлинѣ въ XX вѣкѣ. И это его безуміе принимало подчасъ видъ какого-то своеобразнаго величія.

Отнынѣ экономическій подъемъ Германіи, наука ея теоретиковъ, дисциплина ея войска, мощь ея народа, высокомѣріе ея вождя превращались въ какой-то народный миѳъ, и удобную вѣру въ этотъ миѳъ, способный творить полезныя чудеса, необходимо было проповѣдывать.

Нѣмецкая культура создана изъ всѣхъ этихъ элементовъ. Она идетъ отъ матеріальнаго благосостоянія до трансцендентальнаго мистицизма, проходя черезъ торговую, научную и военную организацію. Но дѣйствительно ли эта культура нова, и можетъ ли міръ ею жить, какъ новымъ откровеніемъ?

Прежде всего ничего нельзя себѣ представить менѣе современнаго, какъ основывать систему общественнаго совершенствованія на божественномъ правѣ. Но Вильгельмъ не отступаетъ передъ этимъ. Онъ пользуется старинными преданіями Европы. Онъ объявляетъ себя императоромъ и королемъ—волею Божьей. Отправляясь на войну, онъ напоминаетъ Магомета или Св. Людовика. Его громко провозглашенный мистицизмъ заражаетъ гангреной самые устои его владычества. Исторія королей Среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія указываютъ намъ на опасность, которой бы мы подверглись, если бы Вильгельму удалось побѣдить Францію, Англію и Бельгію.

Организація, о которой мечтаетъ такой мисти-

цизмъ,—самая древняя изъ организацій: она основана на рабствѣ и тираніи. Профессоръ Оствальдъ и всѣ пангерманцы признали это. Надо воскресить отжившую концепцію народовъ подчиненныхъ и народовъ властвующихъ.

Кромѣ того, надо, чтобы свобода была ограничена и сведена до минимума. Подчиниться болѣе важно, чѣмъ мыслить. Университетъ находитъ свой образецъ въ казармѣ. Работа на фабрикахъ и заводахъ прекрасно распредѣлена и раздѣлена, но вмѣстѣ съ тѣмъ, обставленная крайне суровыми правилами, она напоминаетъ работу корпорацій. Все предвидѣно, направлено, заморожено, зарегистрировано; все прекрасно, все въ порядкѣ, но все это старыя формулы, отъ которыхъ міръ давно уже отказался.

Хорошо извѣстно, что̀ дали человѣчеству терроръ, инквизиція, пассивное послушаніе, научная и религіозная догма, подчиненіе мысли и желанія какой-нибудь единой, такъ называемой, святой цѣли и стремленіе къ власти, сливающейся съ произволомъ и тираніей. Это воскресеніе стараго духа античнаго и феодальнаго міра, окрашеннаго едва лишь замѣтнымъ отблескомъ иного порядка... Это тотъ старый духъ, который душили тысячи и тысячи лѣтъ и который приходится вновь душить теперь въ этотъ великій переживаемый человѣчествомъ часъ.

Современная душа соткана изъ гордости и свободы, она полна яснымъ человѣчнымъ сліяніемъ и земными радостями; она полна благородно опасными и заразительными волненіями. Она совсѣмъ еще юная, зародившись лишь сто лѣтъ тому назадъ; вѣка еще не успѣли выявить всю ея силу, весь ея свѣтъ.

И эта душа въ непримиримомъ противорѣчіи съ германской душой. Она, и только она, полна молодыхъ силъ, готовыхъ къ расцвѣту въ будущемъ. Она одна призываетъ къ новымъ опытамъ и даетъ человѣчеству возможность обновиться и приспособиться къ еще неизвѣданнымъ фазисамъ бытія.

Эта душа—въ тебѣ, Бельгія; ты первая, раньше Франціи и Англіи, стала на защиту этого новаго духа, противъ регрессивной, но грозной Германіи. И никогда не выпадала на твою долю бо̀льшая честь. Ты приняла ее съ героической простотой. Окровавленная Бельгія, да будутъ любимы всѣ твои раны, да исполнятся всѣ твои упованія!

КЪ БЕЛЬГІИ

Стихотвореніе

Переводъ *Максимиліана Волошина.*

Со дней послѣднихъ битвъ, смывая домъ за домомъ,
Все смелъ и затопилъ прорвавшійся бурунъ.
И вотъ земля твоя: лоскутъ песчаныхъ дюнъ,
Да зарево огней за темнымъ окоёмомъ.

Антверпенъ, Брюгге, Льежъ, Брюссель—изъ рукъ
твоихъ
Врагами вырваны и стонутъ въ отдаленьи.
Твой стерегущій взоръ не видитъ ихъ мученья,
Въ рукахъ израненныхъ защиты нѣтъ для нихъ.

Какъ жены скорбныя на побережьяхъ моря,
Ты учишься сносить удары ярыхъ грозъ,
Упорствуешь, молчишь, лія потоки слезъ,
И терпишь до конца, съ судьбою гордо споря.

Ты, побѣжденная, безмѣрно велика,
Прекрасна, доблестна, свѣтла, какъ въ тѣ вѣка,
Когда вѣнчали честь вождей побѣдныхъ главы,
И гибнуть стоило и жить во имя славы.

На эту пядь земли, гдѣ не закрывъ лица
Стоитъ одинъ король подъ бурей безвозвратной,

Ты собрала солдатъ—остатки силы ратной,
Чтобъ здѣсь трагически бороться до конца.

Ты такъ вознесена своей судьбою славной,
Твой пламень такъ великъ, твой подвигъ такъ вы-
сокъ,
Что образъ твой въ сердцахъ пребудетъ одинокъ,
И нѣтъ въ иныхъ вѣкахъ тебѣ по духу равной.

Предъ этой жертвою—что смерть твоихъ сыновъ!
Пусть Ипръ въ развалинахъ, Диксмюдъ—разрушенъ,
пашни
Затоплены водой, и трупъ сожженной башни
Огромный высится на фонѣ вечеровъ!

О, пусть вся родина лишь въ этомъ пеплѣ рдяномъ,—
Ее мы любимъ такъ, что ницъ упавъ предъ ней,
Мы будемъ цѣловать страдальныхъ прахъ камней,
Прижмемъ уста и грудь къ ея священнымъ ранамъ!

А если гнусный врагъ, недобрый выждавъ часъ,
Сожжетъ послѣднiй домъ, страстей исполнивъ мѣру,—
О Бельгiя моя, храни восторгъ и вѣру:
Страна не умерла—она безсмертна въ насъ!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе автора къ русскому изданію 7
Посвященіе 11
Окровавленная Бельгія (стихотвореніе); перев. Макс. Волошина 15
Права на независимость 21
Преступленія 29
Бельгія гордая 45
Защитники Льежа (стихотвореніе); перев. Макс. Волошина 53
На фронтѣ во Фландріи 59
Деревни и села Фландріи 67
Диксмюдъ, Ньюпоръ, Ипръ. 75
Альбертъ I, король безъ страха и упрека 85
Германія, неподдающаяся цивилизаціи 95
Германія и искусство 105
Германская организація 115
Азіатская Германія 123
Современная душа 133
Къ Бельгіи (стихотвореніе); перев. Макс. Волошина. . . 145

ЦѢНА 1 РУБ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ
Москва. Трехпрудный пер., д. 7.